

Александр
Кваченюк-Борецкий

АРХИПЕЛАГ ГУДЛАК

роман о серийном убийце

Александр Кваченюк-Борецкий

**Архипелаг Гудлак. роман
о серийном убийце**

«Издательские решения»

Кваченюк-Борецкий А.

Архипелаг Гудлак. роман о серийном убийце / А. Кваченюк-Борецкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743312-3

В провинциальном городе орудует серийный убийца. За минувшие полгода на его счету шесть жертв. Но следователю Переверзеву никак не удастся изловить хитроумного маньяка, который даже не пытается скрыть следы своих кровавых преступлений. Неожиданно сыщику выпадает, пожалуй, единственный и последний шанс прервать цепь бессмысленных злодеяний и призвать двуногого зверя к ответу!.. Сумеет ли он воспользоваться им?..

ISBN 978-5-44-743312-3

© Кваченюк-Борецкий А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	7
3	9
4	11
5	12
6	14
7	16
8	24
9	25
10	27
11	30
12	33
13	36
14	39
15	41
16	43
17	45
18	46
19	48
20	50
21	51
22	53
23	54
24	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Архипелаг Гудлак
роман о серийном убийце
Александр Кваченюк-Борецкий

© Александр Кваченюк-Борецкий, 2016

ISBN 978-5-4474-3312-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Он шел за ней недолго. Не более пяти минут. Когда она свернула в переулок, он понял, что, наконец, настал тот самый момент, когда надо было действовать. Наверно, она услышала его шаги потому, что каблучки ее застучали по асфальту чаще. А темное пятно фигуры стало постепенно растворяться во мгле. Но оборачиваться или бежать она не решалась. Она все еще наивно надеялась, что вместе с ней в проулок свернул случайный прохожий. Если, пересилив леденящий душу страх, она оглянется и поймет, что жестоко ошибается, то, вряд ли, сможет бежать. Ноги ее одеревенеют от невероятной жути и тогда... Тогда она просто лишится сознания и опрокинется навзничь прямо посреди дороги. Но она все-таки оглянулась. Вынырнув откуда-то из мрака, он оказался от нее шагах в пяти... Плотная завеса тьмы дрогнула, качнулась и словно раскололась надвое от ее безумного вопля!..

Слабо отразив блики зажегшегося где-то в ночи окна, лезвие ножа прошло воздух, а затем плоть, застряв между ребер. В горячке она даже ничего не почувствовала. Она хотела закричать вновь, но не смогла. Вместо этого из ее горла вырвался хрип. Придавив коленом к земле, он погрузил в нее клинок во второй раз. Ощущая судороги ее тела, он делал это снова и снова, пока она не перестала трепыхаться...

Он просто выполнял свою работу...

2

Старший следователь Переверзев чиркнул спичкой, едва не опалив усы, и нервно затаился.

– Ну, и что у нас есть? Труп, порубленный на куски, в мусорном контейнере!

– Вот именно! – подтвердил Радеев, пристально наблюдая за своим шефом.

– Это уже, какой по счету труп? Пятый, если я не ошибаюсь?

Щуплый и юркий лейтенантик уже год работал под началом Переверзева и еще ни разу не пожалел об этом. Зеленый свет, а глаза у Переверзева были зеленые, это тебе – не красный! Во всем – подмога. Беда заключалась лишь в том, что хитроумного маньяка, они никак не могли вычислить.

– Скольких этот зверь еще замочит, пока мы изловим его?

– Что у нас есть?

Переверзев вдавил окурок в пепельницу.

– Нож есть, Петр Никанорыч! С отпечатками пальцев...

– Есть-то, есть!..

– К тому же нож необычный! Метательный! Такие в разных там спецподразделениях – в ходу!

– Да, в курсе я! Сам эту штуку вместе с кусками тела, что остались от той дамочки, из контейнера извлекал! Как вспомнишь, аж ты, олады в сметане, мороз до мозга костей пробирал! Брр...

Переверзев и впрямь поежился.

– Так, вот я и говорю, Никанорыч! Может, этот маньяк – бывший спецназовец или...

Радеев беспокойно заерзал на стуле, предусмотрительно оглядевшись по сторонам. Но в кабинете прокуратуры кроме него и Переверзева никого не было.

– Что «или» то? Говори, Арсен, душу не тяни!

– А, что говорить-то? Нечего говорить!

Арсен извлек из нутряного кармана блокнот и ручку и, вырвав из него лист, написал на нем крупными буквами «ФСБ». Переверзев принял его игру. «Думаешь, прослушка стоит?» – тотчас изваял он на обратной стороне листа.

Радеев согласно кивнул.

– С чего бы – это? – вслух спросил Переверзев, обращаясь то ли к напарнику, то ли к самому себе.

– Втравить нас в историю хотят!

– С чего ты так решил? А маньяк?

– Тот, кто пьет чужую кровь, не станет зря ее проливать! Переверзев нахмурился.

– А, если проливает или позволяет проливать, то не просто так?

– Ну, сами подумайте, для чего нож с отпечатками пальцев на месте преступления оставлять? Да, и останки трупа тоже занывать можно было, куда подальше... А он... Их – на всеобщее обозрение... Для него люди – то же самое, что мусор. Это ж, любому гудлаку понятно!

– Гудлаку?

– Тому, кому везет, значит!

– Скажи, лучше, тому, кого везут!.. Немного я везунчиков на своем веку-то повидал! Сам одно время, как ненормальный, в лотерею играл... Хоть бы раз выиграл!

– Ну, выиграла бы, а дальше – что?

– Как – что? На сберкнижку бы положил! Под проценты...

– И на много бы вам этих процентов хватило? – как бы, между прочим, поинтересовался Радеев.

– Ну, на гроб с музыкой хватило бы, и то – ладно! Специально для этого копать бы не пришлось. А так, одно утешение: хоть на тот свет с почетом свезут, раз на этом лишь со стороны пришлось наблюдать, как другие живут и радуются!..

– Со стороны, это – как? В бинокль что ли?

– Нет! В замочную скважину! А иногда через щель в деревянном заборе...

Радеев довольно хмыкнул. Как он полагал, Переверзев попал в точку. И кадру, который, возможно, их прослушивал, досталось-таки от него на орехи.

– Выходит, маньяку этому тоже пока что фартит не слабо, раз мы до сих пор его не сцапали?

– А – что, если в этот раз убивал не он?

– Гм...

Переверзев в раздумье наморщил лоб.

– Черт его знает, что! Тогда дело – совсем дрянь!

– Заблудились мы в трех пихтах, Никанорыч!

– Ага! В пихтах... Тарарах!

Старший следователь нахмурился.

– Ладно, хорош скулить! Разберемся, что – к чему. Не в первой. Достанем гада ползучего из-под земли.

– Ага! Земля-то, она большая... – слабо возразил Арсен. – Всю не перелопатить...

Потом они вышли на улицу. Небо заволочло тучами, и накрапывал дождь.

– Я все прошарил в кабинете! Нет, вроде, никакой прослушки.

Но, ты будь осторожней! Сегодня – нет, а завтра может быть!.. Не ляпни чего-нибудь лишнего.

– Ну, что, я – мальчик, Никанорыч? Или – совсем без мозгов?

– Брось, не обижайся! Это я так, для перестраховки...

И они разошлись в разные стороны.

3

Переверзев конкретно занимался этим маньяком уже полгода. С того самого момента, когда его буквально вытащили из-за новогоднего стола. Хорошо, что он тогда успел хватить всего лишь рюмку.

– Убийство, Никанорыч!

Прокурор Докучаев был немногословен.

– Похоже – маньяк! Не труп – кровавый ростбиф какой-то! Выезжай немедленно. Слышишь? Машина – на подходе.

– А почему – я?

Но трубку уже повесили.

«Понятно, почему! – всю дорогу до места преступления, точнее, до того самого мусорного контейнера, где обнаружили останки первой жертвы, сокрушался Переверзев. – Уголовке такое не поручат, поскольку налицо – почерк маньяка. Подобный случай уже имел место в городе года два назад. И он был не единичный. Но тогда это двуногое чудовище так и не нашли. Возможно, убийца залег на дно, а теперь объявился вновь. Тут не прослеживалось никакой закономерности. Захотел – залег, пожелал и объявился! И главное, что не за что зацепиться!.. А, возможно, и было за что. Только требовалось крепко пораскинуть мозгами.

– Хрень какая! – выругался вслух Переверзев.

– Что? – не расслышал водитель.

– Скоро, спрашиваю, приедем? Весь Новый год – козе под хвост!

– Это – верно!

И водитель поддал газу.

Возле мусорного бака на углу пятиэтажки толпились с полдюжину оперативников, кинолог с четвероногим другом напрасно пытался взять след. В свете автомобильных фар вокруг бака крутился кто-то в штатском, видимо, помимо явных, отыскивая косвенные улики.

Штатский круто обернулся.

– А! Переверзев!

Это был фэсбэшник Кротов. Они были знакомы со студенческих лет и уже тогда не особенно ладили и при встрече делали вид, что не замечают друг друга.

– А вы, что – тут ...?

Слова застряли у Переверзева в горле, когда взгляд его остановился на содержимом контейнерного бака. Он почувствовал запах, от которого его едва тотчас не стошнило.

Они отошли в сторону.

– На глотни!

Кротов всучил прямо в руки Переверзеву плоскую металлическую фляжку.

– С Новым годом тебя, коллега!

Это был коньяк.

– Ну, как? Полегчало?

Шесть месяцев минули, как шесть дней. Переверзев ломал голову, пытаясь выяснить для себя мотивы этих нелепых убийств, но ни к чему так и не пришел. Наряду с этим его огорчало еще и другое. Хотя сказать, что огорчало, было бы не совсем правильно...

В этом, конечно, не было ничего противозаконного. ФСБ могли прослушивать и контролировать следователя такого ранга, как Переверзев. Но работать под чьей-либо плотной «опекой» было не в правилах следователя. Да, и не с руки. В случае чего потом сам в дураках и останешься. Мол, то не так сделал, се. Еще чего доброго в лохари зачислят или в косвенном пособничестве маньяка обвинят. Хотя это – уже нонсенс, конечно! И такого быть не могло.

И все же... Станным казалось только одно: чем ФСБ мог так заинтересовать этот оборотне-
завр в человеческом облике?

4

Однажды он обнаружил у себя в почтовом ящике кое-что. Ящик был на замке. Он ежедневно, почти в одно и то же время, извлекал из него почту. Это «кое-что» был конверт с деньгами. Сумма являлась довольно приличной! В нем также имелось фото молодой женщины. Цветное, очень хорошего качества! Видимо, у того, кто являлся настоящим мастером своего дела, наличествовал совсем не стрёмный фотик, невероятно мегапиксельный. На обратной стороне снимка указывался адрес. Скорее всего, по нему проживала эта женщина! Он даже понятия не имел о том, кто был его столь щедрым спонсором, точнее, кредитором. И чего этот тип хотел от него, скинув в почтовый ящик лавэ и то, что к нему прилагалось? Он мог только догадываться об этом, но догадки оставались всего лишь догадками и не более того. Точнее, поначалу это были его фантазии... Причем, довольно-таки мрачные!.. Хотя и... Не безосновательные! Страшно было даже подумать об этом!.. Но вскоре вывод стал напрашиваться сам!.. Вероятно, кто-то хотел, чтобы он... Убивал!..

Все началось с того самого момента, когда...

Короче, не заладилось у него с женой. Пила она наравне с ним, а когда напивалась, начинала выпендриваться. Посылала его, куда совсем не следовало посылать!

Так было и в тот раз. Ну, он взял со стола нож и, не думая, воткнул ей в горло.

Тогда, по неопытности, он долго расчленял труп в ванной. А потом сложил все, что осталось от жены в полиэтиленовый чехол для мебели... Вернее, кресла, купленного им пару лет назад... И поздно ночью унес в соседний двор. Контейнерный бак там как раз был пустой.

Это он уже потом вспомнил, что когда возвращался домой, то, как будто бы почуял неладное. Ему показалось, что за ним кто-то очень осторожно шел следом.

Через неделю этот кто-то навестил его. Он позвонил в дверь, а когда она открылась, держа пистолет наготове, уверенно переступил порог.

Вспомнив жену, киллер, скорее, по воле случая, а не по призванию, угрюмо ухмыльнулся. Если бы она была хоть немного поласковее с ним, он думал бы о ней с большей нежностью. Но, наверно, он плохо удовлетворял ее в постели или же совсем не удовлетворял. Вот она и бесилась. К тому же, денег мало зарабатывал и... Пил!

Он ни капли не жалел о том, что сделал с ней. Наоборот! Она должна быть ему благодарна. Он не считал, что он сотворил зло! Глупости – все это! Он сделал жертве большое одолжение. А после... После все они умирали почти без звука. Да, был легкий шок, но и только. А так бы, им пришлось лет через двадцать, тридцать, ну, может, чуть больше загибаться в муках от какой-нибудь неизлечимой болезни или от старости. А жизнь? Их жизнь! Разве, она была кому-то из них в радость? Наверняка, у каждой из жертв проблем было по горло... Столько, что за все их жалкое существование не разгрести! Это для них – большая удача, что он взял и всех их прикончил!

Власть над жертвами делала его в собственных глазах не то, чтобы вершителем судеб!.. Философом тьмы!.. Исчадием ада!.. Но адреналину в кровь прибавляла изрядно. Зачем лгать самому себе? Да, убивая, он чувствовал себя словно бы на вершине мира. Но вот на какой именно, это являлось не столь важным... Может, это была Джомолунгма, Макалу или Канченджанга? Дух его захватывало от потрясающей картины, когда он взирал на этот глупый и убогий муравейник вечно спешащих куда-то двуногих существ сверху вниз. Но вскоре он и сам оказывался внизу и снова брался за нож. Возможно, всаживая его в очередную жертву, он ощущал биение сердца Земли... Или это было биение его собственного сердца и сердца той, которую он лишал жизни?.. Нет, он не казался себе всемогущим и всемогущим, поскольку убивал не по собственной прихоти. Скорее, настоящим монстром был тот, кто повелевал им. Он даже не знал его настоящего имени. Но ему понравилось убивать!..

5

Еще там, в вертушке, взрыхлявшей лопастями облака, у Белова появилось нехорошее предчувствие. Он и сам толком не понимал, откуда оно взялось? Может, это даже было и не предчувствие вовсе. Просто вчера, во время увольнения, с ребятами хватили лишку! А после этого Чернов, как бы, невзначай, предложил ему развлечься. Помимо прочего, в злачном месте, где они накачивались спиртным, предлагались эскорт услуги. Но он отказался. Черный же был еще тот прохвост!

Белов вернулся в часть поздно ночью, а Чернов – только под утро...

Вертолет накренился и на бреющем полете миновал скалистый краж, едва не зацепив его вершину брюхом, и завис над горным плато.

Они высадились на нем... Почти на самом краю ущелья!.. Затем стали спускаться в него. Их было четверо. Они ожидали яростного отпора. Перестрелки. Настоящего кровавого месива. Но ничего подобного не произошло. Едва они оказались внизу, Черный метнулся куда-то вправо. Там был лесистый склон, поросший горными соснами и кустарником. Белый и еще двое бросились за ним.

Те, кто расположились возле костра, видимо, не ожидали ничего подобного. Черный сразу же короткой очередью уложил одного, потом второго. Потом стреляли уже все четверо.

Вскоре у ног людей в маскхалатах покоилось пол дюжины трупов. Один из мертвяков сжимал в руке пистолет, так и не успев им воспользоваться. Другие, вероятно, даже не пытались обороняться, так как все произошло почти молниеносно.

– Постой, Черный!

Но оклик Белова явно запоздал.

– Да, ведь это – не боевики!

– А, кто – они, по-твоему?

Черный яростно вращал зрачками, с шумом вдыхая насыщенный запахом смерти воздух.

– Боевики всегда до зубов вооружены, а эти ...!

Черный потянул за ствол «Узи», который уже вряд ли бы понадобился когда-либо жмурику.

Кто-то из ребят развязав рюкзак, перевернул его кверху дном.

– Нет, ты видел, а?!!

Вскоре на земле лежала целая груда прозрачных целлофановых мешочков с белым порошком.

– Вот бы узнать, кому эти чертовы наркодиллеры намеревались спихнуть целую гору кокаина!..

– И – что, тогда?

– Ты лучше подумай, что мы скажем, когда в часть вернемся?

– А, что было, то и скажем!

– Видать кто-то из командиров нарочно подослал нас сюда, чтобы наркотой разжиться.

Дались ему эти боевики!

– Точно! Этот порошок целого состояния стоит...

Но он не договорил. Ствол в руке Черного дважды пыхнул огнем. Спорщики, даже не охнув, рухнули наземь.

Теперь он и Белый были вдвоем.

– Ты, что такое...?! Ты, что натворил, падлю!

Палец Белова едва успел коснуться курка, в то время, как дуло Черного, принесшее смерть его двум недавним товарищам уже уперлось ему в грудь.

– Смотри, не вздумай со мной шутить! Не то... Сам понимаешь, я церемониться с тобой не стану!

Чернов и впрямь не шутил.

– Повернись спиной!

Но Белый, словно не слышал.

– Ты чо не понял меня, болван?

Потом что-то звездануло Белого точно в темечко. Больше он ничего не помнил.

6

Из части ему пришлось уволиться. Но это после того, как он почти полгода просидел под следствием. Его допрашивали. Жестко допрашивали. Сломали пару ребер и выбили зуб.

– Где – Чернов?

Откуда ему было знать, куда делся тот, кого еще недавно он считал своим другом?..

– Где – кокаин?

– Да, пошли вы все!..

Криво ухмыляясь, Белов харкнул кровью...

Наконец, уволившись, Белов устроился охранником в какое-то коммерческое предприятие. Поначалу ему это было крайне необходимо. Там, хоть и мало башляли, зато аккуратно. Денег как раз хватало, чтобы платить за съемную квартиру и, хотя, не бог весть, на какое, пропитание. К тому же, часто случалось, что за сутки дежурства не было ни единого вызова. В охранке имелась плазма. Поэтому днем, а также – ночью, когда в свой черед бодрствовал, а напарник спал, Белов не выпускал из рук селектора, мусоля кабельные программы, которых было не счесть.

– Белый, а давай в картишки! – пока оба сидели в охранке без дела, приставал к нему частенько неугомонный Хитрук.

Это был рыжеволосый и сероглазый крепыш небольшого роста... Непоседливый, как человек, для которого побыть хотя бы минуту в состоянии покоя, же противоестественно, как будильнику не звенеть, и словоохотливый... Он жужжал с утра до вечера без умолку...

– Опять – в дурака, что ли?

– Ага! – кивал тот.

– На деньги или на желанья?

– Ну, денег у тебя все равно нет!

Федор постоянно обыгрывал Белова, чем очень гордился, и Дэну приходилось платить за проигрыш. То есть, делать ноги за сигаретами и пивом, которое охранники позволяли себе в разумном количестве во время дежурства. Иначе было нельзя. От скуки сдохнешь!

– Слышь, Белый, а Белый!

– А давай после дежурства в «Бангладеш» махнем!

– Куда, куда?

– Ну, тусилово тут у нас одно так дразнят! Открылось недавно. Не слышал?

– Не слышал! А почему «Бангладеш»?

– Потому!

Федор был немногословен.

– Там – что, бенгальская кухня и сакэ наливают? – не отставал Белов.

– Не сакэ, а арак! На наш самогон смахивает, но стоит гораздо дороже... А рыба в маковом соусе – настоящий деликатес! Гуси от нее летят... Целая стая! Никогда не пробовал?

– В Бенгальском заливе я тоже не плавал!..

– Значит, есть для чего жить! А для тех, кто уже и там, и сям побывал, мир перестал быть интересен... На другой планете их тоже никто не ждет! Вкус к жизни они потеряли! Не меньше! Швыряются деньгами налево и направо, не знают, куда их девать, лишь бы почувствовать себя так, как будто на свет заново родились... Несчастные люди... Жалкие люди! Мы хоть и без бабла, в миллион раз богаче их! Потому, что мир для нас – всегда нов и свеж и переливается всеми цветами радуги... Вот так-то, брат! Не повезло Бенгальскому заливу... И не только ему одному!..

И Хитрук, щерясь, снисходительно хлопал Белова по плечу.

– Ладно! Часикам к восьми вечера клубни подкатывай!

Я тебя с девчонками познакомлю. Такие девочки! Пальчики оближешь...

Еще издали Дэн заметил своего напарника, который толкся возле входа в пресловутый «Бангладеш».

– Ну, и где – они?

– Кто?

Хитрук, видимо, так нервничал, что не сразу понял сути вопроса.

– Дед Пихто и бабка Пелагея!..

Конопатая физиономия Феди вдруг расплылась в широчайшей улыбке.

– Да, вот же – они!

Белов обернулся.

– Привет, мальчики! – с очаровательной улыбкой бросила на ходу одна из девушек.

– Ну, наконец-то! Сколько можно?!

Хитрук даже промокнул платком обильно выступивший на его лбу пот.

– Что, заждались?

– Не то слово! Изошли, аж пар, идет, на...

Но бойкая девушка вовремя прижала ладошку к губам Хитрука.

– Я – Галина!

Она озорно хихикнула, глядя на Дэна.

– А – это...

Дэн даже в лице переменился.

– Кажется, мы уже знакомы... – немного смутившись, вовремя нашлась подружка Галины.

– Знакомы? Вот – дела! Когда это вы успели?... – то ли огорчился, то ли обрадовался Хитрук.

– Долгая история!

7

Дэн и Макс были друзья, не разлей вода. Так получилось, что оба они влюбились в одну и ту же девушку. Звали ее Ксения Рощина... Она была удивительно хороша. Особенно ее глаза. Светло-карие. Похожие на два солнечных осколка.

Дэн Белов робко и настойчиво ухаживал за Ксю, надеясь, что однажды, она проникнется к нему тем же, что испытывал он. Но этого почему-то не происходило. Она позволяла прикоснуться к ее руке. Она смотрела на Дэна широко раскрытыми глазами, которые притягивали к себе, точно магнит, завораживая, и, заставляя разрастаться внутри него огонек желания до невероятных размеров!... Но этим все и заканчивалось. Наверно, она играла с ним, как внезапно разбуженные порывами ветра морские волны играют с утлым суденышком, швыряя его с гребня на гребень. И это доставляло ей удовольствие...

Он долго не отваживался признаться девушке в своих чувствах, так как не представлялось подходящего случая. Но однажды по окончании уроков они остались в классе одни. Голос его срывался от волнения, но молчать он больше не мог.

– Ты знаешь, мне кажется, я... Я...

Дэн проклинал себя за робость, которую она невольно внушала ему, когда он находился рядом с ней.

– Ты нравишься мне... Больше других девчонок в классе!..

Щеки Ксении едва заметно порозовели. Все-таки ей не каждый день признавались в любви...

– Правда?

– Еще бы!.. – согласно кивнул Дэн.

– А чем я нравлюсь тебе, если – не секрет? Что во мне – такого особенного?

– Ты – красивая! Очень красивая...

– Ты тоже мне нравишься, Дэн!..

И Ксения умолкла, не зная, что ей сказать еще.

– А – Макс?

– Что – Макс?

– Макс тебе нравится?

Это был тот самый вопрос, на который Дэн особенно хотел получить ответ.

– Конечно. Ведь он – твой друг, и мой – тоже.

– А, кто из нас двоих – больше?

Лицо ее сделалось серьезным. Немного подумав, она сказала:

– Вы нравитесь мне оба!

И девушка рассмеялась оттого, что жизнь – прекрасна, и надо наслаждаться каждым ее мгновением, а не задаваться ненужными вопросами, на которые потом самой же придется отвечать.

В отличие от Дэна, а может в противоположность ему, Макс Чернов был плохой мальчик. Он был из тех, кто не тратил много слов, а предпочитал действовать. Он полагал, раз мир материален, и пронизан насквозь солнечными лучами, значит, надо впитывать в себя его энергию, иначе не было смысла жить. Макс был обделен женской заботой и участием, так, как лет с тринадцати жил со старшим братом без матери... И отца. Наверно, ему сильно не хватало его надежного плеча!.. На красоту Ксении он реагировал, как молодой бычок на красную тряпку... Один лишь ее вид возбуждал в нем бурю эмоций и приводил в неистовство. Просто он не показывал виду, насколько сильно он в нее влюблен. Она же, сама не сознавая этого, словно нарочно, дразнила его. И тогда он становился опасен...

Как-то, когда они были вдвоем, он спросил:

– Ты хочешь быть с Дэном?

– Нет!.. Я не знаю! – ответила она.

Глядя в глаза, с темными, как страсти, кипевшие в ее душе, ободками он не мог понять, лжет она или нет?

– А – со мной?

– Я не могу!

– Почему? – как можно безразличнее, спросил он.

– Мама не велит!

– Почему не велит?.. Наверно, рожей я не вышел или как?

– Ну, вроде того... – ответила Ксю с некоторой заминкой. – Лучше бы тебе самому у нее об этом спросить.

– Ага, щас! Станет она со мной разговаривать... И без того, все понятно! Кто – ты, и кто – я? В этом – вся причина... Ведь так?..

– Я так не думаю!..

– А в чем же – тогда? В чем? Ответь!

Ксению начинала доставать напористость Макса.

– Может, ты мне допрос с пристрастием устроишь? Тогда я тебе и выложу все, как на духу!

– Надо будет, так и устрою! – пообещал Чернов.

– Вот – нахал!

А однажды Дэн и Макс позвали ее на речку. К слову сказать, рядом с деревней имелся пруд. Но он больше походил на огромную мутную лужу, где в жаркие летние дни барахталась непослушная детвора, и под присмотром хозяев, а то и без него, утоляла жажду всякая живность.

– На реку?! – поначалу даже обрадовалась Ксю.

Уж, не ослышалась ли она?

– В последний раз мы купались там, когда были детьми... – сказал Дэн.

– Тогда нам было все нипочем! – подтвердил Макс.

– И как вам в голову такое пришло? Вот здорово!

Но вскоре ее вдруг стали одолевать разные сомнения. Речка та располагалась километрах в трех от села. Местность там была дикая и пустынная. Добираться надо было пешком... Но она уже дала согласие, и отступить было поздно...

Договорились встретиться рано утром на краю села.

Пацаны удочки взяли. Накопали червей для наживки. Прихватили с собой чугунок для ухи, прочую утварь. Плюс ко всему – палатку. Но предстоящий уикенд у реки, словно бы совсем не радовал Макса. Он явно был слегка не в себе. Накануне рыбалки злой ходил. Ни с кем не разговаривал. Словно что-то его мучило. Возможно, навязчивая идея какая, от которой он никак не мог избавиться.

– Ты, что замыслил? – старательно допытывался Дэн у приятеля.

– Ничего! – еще больше хмурясь, отвечал Макс.

Но Белову казалось, что он говорил неправду.

– Может, нам не ходить ни на какую реку? – видя, что с Максом и вправду творится неладное, засомневался Дэн.

– В отличие от тебя я не хочу упустить свой шанс с Ксю! У тебя с ней все равно ничего не выйдет...

– С чего, ты это взял?

– Робеешь ты перед ней, как телок перед телкой бодливой! Уж, поверь мне, Ксю совсем другого хочет. Но она пока не желает себе в этом признаться. Потому, что все женщины – лицемерки!

– А в чем лицемерие заключается?

– В том, чтобы угодить тем, кто сильнее их... Иначе им не выжить.

И Макс как-то уж очень серьезно посмотрел на товарища. Дэну от этого даже не по себе стало. Что он имел в виду? Этого Дэн так и не понял... Макс явно что-то не договаривал. Но что именно?.. С тех пор, как Ксения стала для них чем-то вроде яблока раздора с каждым днем он и Макс все больше отдалялись друг от друга. Дэн даже не предполагал, как далеко в своем соперничестве из-за Ксю, они могли зайти... И слава богу! Потому, что иной раз лучше оставаться в неведении, чем наперед знать то, чего не следует. Поверьте, истина – только в этом, а все остальное лишь прилагается к ней...

Рыба в тот день, словно удочки были заговоренные, сама на крючок нанизывалась. Пока уха варилась, все трое успели искупаться. Ксю в купальнике была просто сногшибательна. Капельки воды стекали по желобку меж упругих девичьих грудей. А ее ноги! Длинные, смуглые, с бархатистой кожей... Ребятам хотелось осушить их поцелуями. Но если голубоглазый походивший на древнегреческого бога красавчик Дэн смотрел на нее с непритворным восхищением, то постоянно взъерошенный с рыжеватым отливом чуб Макса, его нахмуренные брови и голодный блеск в глазах слегка настораживали Ксению. Чернов чем-то отдаленно напоминал ей истосковавшегося по любви и ласке бродячего, хоть и породистого, кобелька. Тот постоянно ошивался вблизи ее дома, и она потихоньку прикармливала его. А однажды Ксю поднесла ему на ладони кусок мясного пирога, оставшегося после обеда. Злобно зарычав, он укусил ее за палец...

Когда принялись за уху, Макс сунул руку в рюкзак. При этом легкая тень мелькнула на его лице... Через секунду он сжимал в руке...

Вверху, посредине этикетки, было крупными буквами написано «Журавли», а под ними изображались птицы, которые, широко раскинув крылья, парили в безбрежной синеве.

Ксения презрительно фыркнула.

– Это – даже не шампанское!.. Клинить тебя после этих «журавлей» не станет?

– Может, и – так! Тебе-то – что?

– Мне? Ничего! Я не отказалась бы от выпивки, но только... Не от такой...

– Это – заметно! Голубая кровь дает о себе знать!

– Дело – не в этом!..

– А – в чем?

– В том, чтобы не опускать собственную планку ниже щиколотки... Иначе об твою бедную голову, как о дорожную кочку, прохожие спотыкаться будут!..

– Хм... А придется!.. Нельзя все время думать только о себе... И смотреть на других сверху вниз...

Как показалось Ксении, было что-то двусмысленное в том, что он произнес и, как при этом стрельнул в нее злыми глазками.

– Может, этим, другим, стоит немного подрасти?..

– Плохая кормежка не позволяет!

– Макс, не наезжай на Ксю!.. Разве мы для того сюда пришли! – не выдержал Дэн.

– Помолчал бы лучше, заступничек! – огрызнулся Макс.

– Этак, вы до завтрашнего утра спорить не перестанете!

Видя, что напряжение между спорщиками нарастает, Дэн всячески старался их примирить.

– До утра еще дожить надо! – мрачно изрек Чернов.

Эта фраза еще больше насторожила Ксению.

– Эй, полегче на поворотах, Макс!

Быстро расправившись с ухой, Дэн отставил пустой котелок в сторону.

– Все мы под богом ходим! – словно нарочно сгущал краски Чернов. – Вот сейчас медведь из тайги выбежит, и поминай нас, как звали!... Завтра вообще может не наступить...

Словно в подтверждение его слов где-то в лесной чащобе внезапно ухнул и тревожно загоготал пробудившийся среди бела дня филин.

Ксения зябко поежилась, хотя на небе не было ни облачка, и солнце нещадно поливало землю знойными лучами.

– Не к добру – это! – хмуро заключил Чернов.

– Хватит беду накаркивать, Макс! – попытался урезонить товарища Белов.

– А чего ее накаркивать, если она вокруг да около нас сама ходит? – хмуро возразил тот. Ксю, поднеся ложку ко рту, едва не пролила уху на себя.

– Ну, ладно! С меня хватит! – не выдержала она. – Кажется, мне пора! Дэн, ты меня проводишь?

И девушка порывисто взмахнула рукой в воздухе, пытаясь отогнать назойливого комара.

– Что, значит, пора?!

Это никак не входило в планы Макса.

– Не для того мы с Дэном по очереди палатку сюда волокли, чтоб, не солоно хлебавши, назад ее переть!

– А мне – фиолетово! Я привыкла спать в собственной кровати! На ней – перина пуховая. К тому же по ночам в моей спальне мошкара не зудит!.. А здесь, как я погляжу, от кровопийц спасенья не будет... Не успокоятся, пока всю до дна меня не высосут!..

И Ксения, так и не попробовав ароматной ухи, с видимой досадой утопила ложку в котелке с ухой.

– Так, как? Дэн, проводишь?!

Вся обратившись в слух, девушка ждала, что он скажет. Плохое или хорошее, но предчувствие редко обманывало ее.

– Я?!

Белов словно нарочно тянул с ответом, не зная, кого ему предпочесть из двух самых близких людей: девушку или друга? И в том и в другом случае он оказался бы неправ.

– Никуда он с тобой не пойдет! И ты – тоже... – сказал Макс, вперив в Ксю неподвижный, почти ненавидящий, взгляд.

– Ну, это мы еще посмотрим!

На секунду Ксении вдруг сделалось до обморока жутко. Макс затеял нечестную игру. Она поняла это только теперь! Казалось, впервые в жизни Ксения увидела его в истинном свете. Но от этого ей было не легче! Макс являлся полной противоположностью Дэна. Из них двоих он был более зрелым и решительным, и, возможно, со временем она могла бы принадлежать ему. Но его агрессивность и желание взять свое силой, отталкивало ее. Присутствие Дэна придавало девушке уверенности. Хотя, положила руку на сердце, и на него она уже не особенно надеялась. Она знала, как сильно он подвержен влиянию Чернова. Ксения боялась, что в последнюю минуту воля его дрогнет, и тогда... Она чувствовала на себе взгляды мальчиков, полные огня и желания. И, хотя не показывала виду, это ее очень пугало!

– Брось, Чернов, пока не поздно, эту затею!

– Какую еще затею?

Как оказалось, Макс был неплохим психологом. Он до последнего действовал хитростью там, где мог бы давно применить грубую силу.

– Будто сам не понимаешь!.. А еще мне говорит: давай Дэна не будем брать с собой на пикник!

– Я такого не говорил! – зачем-то соврал Макс.

– Как же, не говорил! В одиночку хотел куш сорвать?

Щеки Ксю вспыхнули огнем.

– О чем, это – ты?

Макс желчно усмехнулся.

– О том! С братца своего пример берешь?

– Ты бы лучше помолчала! Много, как я погляжу, ты знаешь про моего братца!

Макс, угрюмо сдвинув брови, наполнил стакан.

– Люди зря говорить не станут!..

– Язык без костей! Вот и треплют, кому не лень...

И Макс, голодно сверкая глазами, медленно влил в себя зелье. После чего, он молча уставился на Ксю. Что-то не хорошее было в его взгляде. Девушка, кажется, лишь теперь начала по-настоящему сожалеть, что согласилась пойти с пацанами на реку. Чернов, который упорно хотел накачать ее спиртным, до сих пор не отваживался приставать к ней, так как ему не представлялось удобного случая.

Макс налил еще пол стакана водки и, даже не поморщившись, снова выпил.

– А – что? Может, еще в реку окунемся?..

Спиртное заметно ударило ему в голову, и оттого, он сделался еще более упрям и непредсказуем...

– После липкого и плохо пахнувшего в самый раз отмыться!

Ксения брезгливо выпятила губы.

– Вы лучше борова своего, как следует, отмойте, когда порешить надумаете! А то, может, замараться боитесь? Чистюли!

Девушка всерьез начинала бесить Макса.

– Не все, как ты, любят в заношенном до дыр ходить!

– Бантик себе на шею повяжи, киска!

Прежде Макс не позволял себе так обращаться с ней.

– Киска?! Может, еще мяукнуть? Или шерсткой о твои ноги потереться?

– А – что? Ты ведь этого хочешь! Разве, нет?

Макс не шутил. Встав, он направился в ближайший сосняк и вскоре вернулся оттуда с целой охапкой сухих ветвей и валежника. Наломав, он кинул сушняк в костер, и языки пламени взвились кверху, наполовину скрыв от взора Ксении его обнаженный загорелый торс. Впечатление было такое, словно огонь, объяв его, пытался дотла сжечь. Но все было напрасно!

Взяв недопитую бутылку, и, словно бахвалясь этим, Чернов опорожнил ее прямо из горлышка.

– Макс, ты совсем спятил? – не на шутку встревожился Дэн.

– С чего, ты это взял?

Замахнувшись, Чернов швырнул пустую бутылку в реку.

– Это вопрос – не ко мне! У Ксю лучше спроси!

– Мальчик – явно не в себе! Недобрал! – съязвила Ксения. – Макс, может еще за одной пол-литрой в сельмаг сгоняешь? А мы с Дэном тут, у реки, тебя подождем...

– Вот пусть Дэн и сгоняет! Он – тут третий лишний, а не я! Поняла?!

– Ты, это – о чем?..

– У тебя – что, со слухом плохо?

– И со зрением – тоже! Проклятый геморрой во всем виноват...

Возможно, не желая этого, Ксения, словно нарочно, лишь еще больше уязвляла самолюбие Макса.

– Дэн, уходи отсюда! Пшел вон!

Язык у Макса слегка заплетался.

– Да, никуда я не пойду!

Макс сжал кулаки.

– Тогда лучше ни во что не вмешивайся! Предупреждаю тебя, Дэн!

Стараясь сохранять присутствие духа, Ксения держалась, как могла.

– Ты ведь сама говорила, что я тебе нравлюсь!.. Ведь говорила?..

Макс стоял напротив нее, и, глядя ему в глаза, она не могла понять, чего в них было больше, ненависти или сумасшедшей любви?

– Макс, я – еще тот фрукт! Ты мной подавишься!

– У тебя – что, косточка – внутри? Так, я ее выплюну!

– Смотри от счастья, вместе с тем, что у тебя в желудке не выплунь! А то весь берег реки в помойку превратишь!..

– Ах, так!

Он грубо схватил ее за руку. Вскочив на ноги, она стала вырываться.

– Придунок! Прекрати немедленно!

Но он лишь еще крепче сжал ее кисть.

– Ты мне руку ломаешь!

Она вот-вот готова была разрыдаться.

– Дэн! Скажи ему, Дэн!

Но тот почему-то упорно молчал.

– Пусти! Пусти, говорю! Пу...

Макс крепко прижимая Ксению к груди, впился в ее губы. У нее даже дыхание перехватило. Потом он потащил ее за собой куда-то... Обхватив за плечи, швырнул на землю, и скрылся с ней в густой в траве.

– Дэн!

Она закричала так пронзительно, что Белов едва усидел на месте.

– Помоги мне, Дэн!..

Она закричала снова, еще сильнее прежнего. Так, словно ее резали на куски.

– Дэн! Подлец! Так, ты – с ним заодно?..

Затем послышались хрипы и стоны, словно Макс, схватив за горло, пытался ее придушить.

Проклиная свое малодушие, Белов сидел у костра, ни жив, ни мертв. Он готов был разорвать Чернова на части за то, что он так поступал с Ксенией и с ним. Но что-то мешало ему это сделать.

– Сука! – взревел вдруг Макс так, что волосы на голове у Дэна невольно зашевелились от ужаса. – Вот сука! Убью!.. Убью, тварь!

Когда он первым показался из травы, весь подбородок у него был в крови. Его настолько развезло, что, казалось, он с трудом держался на ногах. Но от этого ярости в нем не поубавилось. Кинувшись к костру, где лежала его одежда, Чернов решительно наклонился и впопыхах стал шарить рукой в карманах брюк. Что-то сверкнуло в его руке... Это был кнопочный нож, которым он чистил рыбу.

– Макс! А, Макс?.. Пстой, Макс!..

Весь дрожа, Дэн стоял возле костра со сжатыми кулаками, готовый в случае чего броситься Чернову наперерез. Краем глаза он успел заметить, как, не помня себя от страха, Ксения пулей уже мчалась прочь от реки. Макс, который поначалу хотел, было, кинуться вдогонку жертве, в последний момент, видимо, передумал это делать. Что-то надломилось в нем. Или же спиртное давало о себе знать...

– Ксю! Погоди... Я – с тобой!

Стараясь не встречаться взглядом с явно обезумевшим товарищем, Дэн второпях помчался вслед за девушкой, прихватив ее одежду и обувь... Вскоре он поравнялся с ней.

– Ты – в порядке?

Но едва он спросил это, что-то громко хрустнуло справа от него. Схватив Ксению за руку, Дэн почувствовал, как она вздрогнула. Повернув голову, он увидел в глубине объятых мраком сосняка два голодных хищных огонька.

– Лучше держитесь от меня подальше! – послышалось в тот же миг у них за спиной.

– Скорее! Пойдем отсюда скорее! – воскликнул Дэн.

И они тотчас прибавили шагу.

Но, видимо, Макс не до конца выпустил пар потому, что его безумный крик, чем-то напоминающий вопль раненого зверя, вновь взбудоражил лес:

– Ты еще пожалеешь, горько пожалеешь, что связалась со мной!.. Знаю я про тебя все! Поняла?..

Макс что-то еще кричал им в затылок. Но, по мере того, как они удалялись от реки, голос его звучал все слабее.

Где-то совсем рядом... Снова послышался пугающий до обморока хруст.

– Бежим, Дэн!

Ксения затрепетала, точно ветвь дерева, с которой вспорхнула стайка птиц, и, держась за руки, они помчались через лес, не разбирая пути...

Так, не успев начаться, закончился их уикенд.

С той поры между Дэном и Максом, точно черная кошка пробежала. А Ксю теперь все свое внимание стала обращать на Белова. Он уговорил ее ничего не сообщать родителям и, тем более, никому другому о том, что с ними произошло возле реки. Чернова же она старалась не замечать, точно его на белом свете вовсе не существовало.

Макса это явно не устраивало. В один миг он лишился и друга, и девушки, к которой его тянуло с невероятной силой. И от сознания того, что он не способен противиться этой страшной силе, ему порой становилось совсем невмоготу.

Целый месяц Чернов с хмурым видом обходил недавних друзей стороной, понимая, что здорово перегнул палку, но потом не выдержал.

– Значит, вот как, ты – со мной! Кореш, называется!..

– Ты скажи спасибо, что я отговорил Ксю жалобу на тебя строчить, куда следует... Ты – что, нас обоих хотел прикончить или только ее одну?

– Если честно, я не помню, что тогда было? Перебрал я, кажется, с непривычки... И, к тому же, нервы сдали... Ты ведь знаешь, каково мне без родителей приходится!.. Но это не повод ставить под сомнение нашу дружбу! Я ведь никому из вас не причинил никакого вреда...

Они стояли напротив друг друга.

– А я и не отказывался от нашей дружбы! Просто Ксю надо было проводить, а то она бог весть, что о нас подумала бы... Ты все не так понял, приятель!

В глазах Макса мелькнуло недоверие.

– Ну, и как у тебя – с ней?..

– Что ты имеешь в виду?.. Ты ревнуешь?.. Это – зря!

Макс обиженно надул губы.

– Это – почему же?

Видимо, Белов напрасно времени не терял.

– Ксю сказала, что всегда думала о тебе лучше, чем, как оказалось, ты есть на самом деле. После того случая... В общем, она не особенно знает тебя хочет!

– Ничего захочет!

В интонации Макса прозвучали угрожающие нотки.

– Ты это брось! Ксю я тебе в обиду не дам!

Но Чернов в ответ и ухом не повел.

– А я у тебя и спрашивать не буду!

– Да, ну?

– Баранки гну! Ты думаешь, она шашни с тобой водит потому, что всерьез тебя воспринимает? Экий, ты – наивный... Дурачок – ты с кулачок, Дэн!

– Тебе-то откуда знать, всерьез или нет?

– В книжке одной вычитал! – давясь притворным смехом, изрек Чернов.

Губы Дэна плотно сжались. Он едва сдерживался, чтобы не дать Максиму хорошую затрепину.

– А как та книжка называется?.. Дашь почитать?

Всем своим видом Чернов выказывал превосходство над товарищем, так как считал себя более опытным в обращении с этими цацами или бигудями на цирлах, как он обзывал всех девчонок, чем Белов.

– Книжка-то – не моя... Библиотечная. Сходи и возьми.

Вечером того же дня, сразу, как стемнеет, они договорились встретиться, как прежде, втроем, возле сельского клуба, чтобы выяснить, что и по чем...

– Если, конечно, Ксения не будет против! – на всякий случай подстраховался Дэн, пообещав приятелю поговорить с девушкой.

– Скажи ей, что, мол, Чернов извиниться хочет! Сам не понимает, как так все получилось? – с угрюмым видом напутствовал товарища Макс.

8

– У меня такое чувство, что за мной с самого утра кто-то следит? Скажи, Арсен, с тобой ничего подобного не случилось?

Радеев на секунду задумался.

– Даже не знаю, что сказать!

– А ты скажи, как есть! Не бойся, по лбу я тебя за это не ударю...

– Еще чего! У меня лоб – не казенный!

– А вот, это – дудки! – возразил Переверзев. – Раз ты – на казенной службе, значит, и мозги у тебя – казенные! То-то я достучаться до них никак не могу!

– Так, я и говорю, что по лбу, это вам не в колокол ударять! Все одно, кроме колокольни, звона никто не услышит!

– Так и ни к чему, чтобы кто-то еще слышал...

– Пастве от такого звона никакого проку!

– Проку!.. – передразнил Переверзев. – Надо ж, чего он захотел!.. Уголовный сыск – это тебе не хот-дог в бумажной обертке, а убийца – не продавец фаст-фудов!

При этих словах Радеев, который отбивался от нападков шефа, как мог, сделался, словно рак вареный.

– Вы, уж, простите, Никанорыч, но чем нотации читать, лучше б и впрямь окурок о мою моську затушили! Зачем вам – пепельница? – не выдержал он.

– Моська твоя мне еще пригодится!..

– Лучше признайтесь, что маньяк тот по ночам вам снится!.. Вот оттого, вы и... Места себе не находите! Не знаете, на ком зло сорвать! Вам ненароком кажется, что он уже и на вас охотится. Пришить задумал. Так, для разнообразия! Сколько он уже баб-то перекрошил!.. Кровавое «меню» пересматривать ему давно пора!..

– Кхе! Вот брехло-хухло!

На лице Петра Никаноровича появилась саркастическая усмешка.

– Хотя...

Он на секунду задумался.

– А что, если...

Взоры двух сослуживцев встретились.

– Арсен! – вдруг вскричал Переверзев. – А ведь ты – прав!

– В чем? В чем это, я – прав?

– Как же я сразу недо...!

Опытный следок радостно потер руки.

– Недопетрили?

– Щас! Погоди, все объясню! Только слушай меня внимательно...

9

Она сидела за столиком напротив него. Дэн смотрел на нее и не мог отвести глаз. В груди у него так и щемило.

– Так, говорите, учились вместе? – пытала их дотошная Галинка.

– Хо-хо! Ну, вроде того...

Ксения была просто обворожительна... Она, то ли кокетничала с Дэном, то ли, по-прежнему, чувствуя свою власть над ним, давала ему понять, что еще не все потеряно.

Дэн молча следил за движением ее губ, когда она что-то говорила, и с трудом улавливал смысл слов. Воспоминания о прошлом вихрем налетели на него, завертев волчком, так, что он даже после третьей выпитой рюмки никак не мог прийти в себя... И Белов мысленно перенесся лет на пять-шесть назад...

– Да, ты такой же, как Чернов! Ничуть не лучше!

Ксю, рванувшись, высвободилась из объятий Дэна.

– Скажи, что такого тебе сделал Макс, что ты, до сих пор, ненавидишь его?

– А – то!

– Гм...

В душу Белова закралось подозрение.

– Может быть, он... Как это правильно сказать? Чем-нибудь обидел тебя? Ну, не считая того случая у речки... Так, я с ним поговорю. Друзья – мы, все-таки или ...?!

На лице Дэна застыл немой вопрос.

– Нет, не обидел!.. Так, самую малость! Подумаешь, слегка придушил и чуть, было, не изнасиловал!

И, словно почувствовав легкую ломоту в висках, Ксю легонько коснулась их пальцами.

– Никто не спорит! То, что он сделал, это – мерзко!.. Но, если ты не имеешь к нему особенных претензий...

Помолчав, Дэн, как бы, между прочим, добавил:

– На губу ему тогда пять швов наложили... По-моему, так, вы – в полном расчете!

– Ну, да! Расчет ведь в долларах производили!

– Если, не это, тогда – что?

– А тебе не обязательно знать!..

Она как будто нарочно пыталась посеять в нем сомнения. Это был искусный ход. Терзаясь ими, он будет все время думать о ней. Он не заметит, как она прочно поселится в его сознании, а потом постепенно целиком и полностью завладеет им. Она будет повелевать наивным и доверчивым воздыхателем, как своим болванчиком. Ведь он этого хочет?

Дэн вновь попытался привлечь ее к себе и поцеловать на прощание. Но Ксю со смешком ловко увернулась от его неуклюжих притязаний.

Всякая история любви начинается с того, что он пытается завладеть ею, и, как бы банально это не звучало, сделать своей... Своей собственностью. В конце концов, она позволяет ему это, наперед просчитывая ходы, и полагая, что все будет в точности наоборот.

– Не в этот раз!

– Ты меня с ума сведешь!

– Это – лучше, чем с Черновым якшаться!

Лицо Дэна слегка вытянулось от огорчения.

– Я не могу выбирать между девушкой и другом! Как ты этого не понимаешь?

Ксю фыркнула прелестными губками, словно лошадка, нечаянно забредшая на скошенный лужок: тщетно пытаясь ухватить пучок травы, она лишь тыкалась мордой в острые стебли.

– А придется!

Девушка хитро прищурилась. При этом ее длинные темные ресницы сделались еще темней. Они стали походить на полоску горизонта, за которую только что зашло солнце. Но небо все еще светлело над ним.

– Подумай об этом на досуге!

И Ксю, юркнув в калитку, мелкими частыми шажками направилась к дому. Он ждал, что, взойдя на крыльцо, она обернется и хотя бы махнет ему рукой на прощание. Но Ксю почему-то не сделала этого.

10

Когда он появился во второй раз в доме того, кого намеревался целиком и полностью подчинить себе, то назвал себя Тимуром.

– Мы, что теперь – Тимур и его команда, что ли?..

– Ага! Галстуки на шею будишь вязать... До хрипоты!..

Тимур скрипнул зубами.

– А как – твое погонялово?.. Ксива есть?

– А, как же! – охотно кивнул хозяин квартиры, так что у него и в самом деле что-то хрустнуло в шее.

– Впрочем, наплевать! Я буду звать тебя Дровосеком.

– Почему «Дровосеком»?

На лице убийцы собственной жены мелькнуло удивление.

Стоя в прихожей возле зеркала, он повернул голову и мельком глянул в него: черные с едва приметной проседью волосы, зеленые глаза, с легким изломом брови... Узкие красиво очерченные скулы. Чуть выдвинутый вперед подбородок... Немного привести себя в порядок, и мог бы стать лицом какой-нибудь известной фирмы!.. А не...

– Потому! Хочу так, и – все!.. Ты ведь свою... Не знаю, как ее... Точно чурку на дрова, порубил!.. Буратино, что ли, из нее хотел сделать? Папа Карло – ты, наш!..

Усмешка искривила губы Тимура.

– К тому же дача у меня есть за городом. Там печное отопление. Дрова мне колоть будешь! И мне – польза и ты заодно потренируешься на бескровном материале.

– Ну, и ладно! Дровосек, так Дровосек!

«Слава богу, хоть гомосеком не назвал!» – подумал про себя хозяин квартиры. – Хотя, если считать, что всякая живая, пока что, тварь – ходячая вязанка дров, для убийцы вполне подходящее погонялово.

Новоиспеченный Дровосек был не так туп, как это могло показаться на первый взгляд! Он полагал, что, в конце концов, имя прирастает и становится сущностью того, кому принадлежит.

Новое имя. Новая судьба. Но Тимур не ограничился только этим... Немногим позднее он заставил Дровосека посещать тренажерный зал и бассейн...

– Терпеть не могу качков! И плавать я не умею! – поначалу сопротивлялся тот.

– Чтобы делать это, ты должен быть в хорошей форме!

– И много мне еще не по своей специальности работать придется?

Но Тимур посмотрел на него так, что раз и навсегда отбил у того охоту задавать какие бы то ни было вопросы.

Свою квартиру Дровосек сдал внаем, а сам переехал в ту, которую приготовил ему Тимур. В отличие от прежней эта хатенка была значительно лучше обставлена. Впрочем, в прежней, по настоянию Тимура, был также наведен марафет. Правда, что и как там делалось, Дровосек представления не имел. Ему было сказано не совать свой поганый нос в бывшую собачью конуру, где он был прописан. Тимур предупредил, что скоро выпишет его оттуда. На этот раз Дровосек ни о чем спрашивать у него не решился. Зато кое в чем другом он значительно преуспел.

Это с согласия Тимура в его жизни появилась новая женщина.

– У тебя баба-то есть? – как-то раз как бы, между прочим, поинтересовался он.

И с издевкой уточнил:

– Взамен прежней?

Таким образом, рабовладелец его души сам повернул разговор в нужное русло.

– Да, присмотрел я давеча одну... Купи-продай тут, в местной забегаловке, промышляет!
– Ты смотри, на хату ее не води! Понял? – предупредил Тимур. – Узнаю, труба тебе будет, паровозная с гудком и стуком колес...

Но, благо, у Сюзи была собственная квартира. Мать у ней недавно почила с миром, а сама она пребывала в статусе, что называется, старой девы. После трех недель знакомства он даже засобирился на ней жениться.

Сюзи, очень норовистая и крикливая бабенка, тем не менее, прекрасно готовила. Вообще, хозяйкой являлась отменной. Все в ее доме блистало чистотой, и Дровосеку это очень нравилось. Наконец-то, рядом с ним оказалась достойная его и еще довольно молодая женщина. Сероглазая шатенка с тонкой талией и упругой девичьей грудью... Когда Сюзи вечером приходила с работы, и они принимались за ужин, он почти с нежностью и в то же время с каждым днем все более возрастающим желанием обладать ею, смотрел на нее и про себя думал: «Дай бог, чтоб эту решить не пришлось!» Она поначалу смущалась его откровенных взглядов.

– Ты чего это на меня так пялишься?

– Как? – прикидываясь протачком, спрашивал он.

– Как будто живьем сожрать хочешь? Тебе – что, шей моих – мало?

– А что? Сегодня – только щи? Второго не будет?

Хохотнув, Сюзи спешила к плите.

– А это – тебе чем не второе?

Она ставила тарелку с пловом или чем-нибудь еще на стол.

– А – третье?

Тотчас, словно по мановению волшебной палочки, взору Дровосека являлась чашка с компотом.

– С четвертым, я думаю, придется до ночи повременить...

И Сюзи смотрела на своего ухажера таким откровенным взглядом, что у него сразу куда-то пропадал весь аппетит.

– Если честно, то ради него я с охотой отказался бы от первых трех блюд!

Дровосек не лукавил.

– Скажи, но почему я тебя раньше не встретил? – искренне досадовал он.

– А я почем знаю! Стало быть, так на роду твоём написано...

– Угу! – для вида соглашался он. – Еще бы! Для того он, род этот, и существует, чтобы непременно что-нибудь на нем да написать! Загогулину какую-нибудь накарывать! А мы потом майся всю жизнь!

Она не знала, всерьез он это говорил или у него была такая манера шутить?

– А почему тебе такое странное имя дали? – спросил он у нее на третий день их знакомства.

– Странное?

– Ну, да? Почему не назвали, как всех? Мария или Любаня, например?

– Если бы я была, как все, разве, тебе от этого легче бы стало? И потом, чем тебе мое имя не нравится?

Сюзи от огорчения даже заметно расстроилась.

Он тотчас поспешил поправиться.

– Ну, что ты! Нравится. Очень нравится!

Она сосредоточенно посмотрела на него. Нет, взгляд его не лгал! От этой мысли щеки ее слегка порозовели от удовольствия.

– Ты, наверно, нарочно говоришь мне сперва неприятные вещи, чтобы потом вдруг одним словом расположить к себе! Станный у тебя способ завоевывать женщин!

– Да, я их не завоевываю! – поспешил оправдаться он, с удивлением замечая за собой, что изо всех сил старается произвести на Сюзи благоприятное впечатление. – Я их...

Думая о своем, он, кажется, вовремя остановился.

– То есть, я хотел сказать...

– Я знаю, что ты хотел сказать!

Он даже вздохнул от облегчения.

– Просто маме так взбрело в голову! Вот она и назвала меня Сюзи! В честь Сьюзен Сарандон! Знаешь такую?

– Ну, так еще бы... – промямлил он, даже понятия не имея, о ком шла речь.

– Мама моя, царство ей небесное, романтиком по жизни была. А на старости лет, тем более, от телевизора не отлеплялась. Все в него таращилась, будто в этом треклятом ящике хотела что-то особенное разглядеть!

– Гм... Ничего удивительного!

– Ты так считаешь?

– Еще бы! Что еще под конец жизни делать, кроме, как Голливудские фильмы смотреть...

Это – намек!

Про Голливуд он сказал потому, что его бывшая тоже этим грешила, когда была в здравом уме. То есть, трезвая...

– Какой еще – намек? – спросила она.

– Как бы тебе это объяснить?.. Продавцы телевизоров и те, кто начинают их всякой хитроумной мишурой, как бы дают нам понять, что кроме ящика в этой жизни большинству из нас ничего не светит. Поэтому предлагают в один смотреть, чтобы потом... В другой сыграть!..

– А ты, Рома, большой шутник! – рассмеялась она, часто заморгав ресницами, чтобы осушить невольно навернувшиеся на глаза слезы.

Во время знакомства он представился ей Романом, хотя его настоящее имя, конечно же, было совсем иным. Он соврал ей по вполне понятным причинам...

Дровосек совсем не прочь был пофилософствовать. Тем более, что Сюзи с полуслова понимала его.

– К тому же, разве плохо, что вместе с западным образом жизни к нам пришли новые, хотя и чуждые слуху, имена?

– Чуждые?

– Это – поначалу! А после того, как я узнал тебя...

– Ну-ну!

Губы Сюзи едва заметно дрогнули в иронической усмешке. Глядя на нее, он подумал, что жить в этом мире и впрямь становилось тесно. Все перемешивалось, перепутывалось между собой, накладывалось, как трафарет одно на другое... Наверное, именно поэтому на его пути повстречался этот тип... Тимур!.. Ощущая рядом с собой тепло и тонкий аромат молодого и прекрасного женского тела, который исходил от Сюзи, он отчасти был ему благодарен. Дровосек наперед знал, что рано или поздно им станет не по пути. А это значит, что один из них умрет.

– Я ведь не спрашиваю, почему тебя назвали именно так, а не иначе?

11

Уже третий день подряд Арсен обходил квартиры близ лежащих домов, возле которых в мусорном баке нашли очередную, самую последнюю жертву. Он считал это делом совершенно бесполезным, но с Переверзевым спорить не стал.

– Найди мне хоть какую-то зацепку! – требовал тот. – Хоть что-то найди! Иначе Докучаев с нас обоих шкуру снимет... Ножичком для заточки карандашей!.. Ты меня понял?

Проклинаая тот час, когда в нем впервые созрело осознанное желание поступить на юридический факультет местного университета, Радеев, обрядившись для пущей важности в полицейскую форму, с утра до вечера шастал по подъездам, требовательно тарабаня в квартиры жильцов и старательно нащупывая нить, потянув за которую, он смог бы размотать весь клубок, в уголовном кодексе именуемый особо тяжким преступлением. Но никто и ничего не мог ему сказать относительно того, каким образом порубленный на куски труп оказался в контейнере с отходами.

На четвертый день, основательно умаявшись, Арсен присел на лавочку покурить.

– М м м... у у у! – неожиданно промычал кто-то возле самого его уха.

Едва не поперхнувшись дымом, Арсен поднял голову. Напротив него стоял неряшливо одетый тип. Лицо у него было опухшее и небритое. От бомжа исходил такой ужасный запах, что Радеев едва не блеванул прямо себе под ноги. Приставив два пальца к губам, бомж произвел выразительный жест.

– Чо мычишь, как буренка? С утра не доили, что ли?

Молча взяв сигарету, бомж напрямиком направился к мусорным бакам. Радеев еще какое-то время наблюдал за ним.

– Эй, постой! А ну, постой тебе говорю!

Нехотя остановившись, бомж не сразу обернулся на оклик... На физиии его отчетливо читались неуверенность и страх.

– И давно ты – тут?.. Я имею в виду... Обитаешь здесь давно? – приблизившись на безопасное расстояние к бездомному, чтобы ненароком вновь не учуять ту отвратительную вонь, которую бродяга распространял вокруг, спросил Радеев.

Весь скукожившись, точно сушеный гриб, и, раскрыв, то ли от удивления, то ли по какой иной причине рот, бомж некоторое время молчал.

Арсен второпях вынул из кармана сотню.

– Тебе нужны деньги?

В глазах бомжа, напополам со страстным желанием тотчас завладеть деньгами, зажглось недоверие.

– Скажи, ты ночью, ровно три дня назад, никого здесь не видел?

Но странный собеседник Радеева, словно не понимая, чего от него хотят, продолжал упорно молчать.

– Ты ведь наверняка по ночам здесь в мусорных баках отходы фильтруешь?.. Какую-нибудь черствую корку себе выискиваешь, чтоб с голоду не сдохнуть!

Но бомж, словно забыв обо всем на свете, машинально потянулся рукой к тому, что обещало ему сытный ужин. А то и выпивку в придачу...

– Э э э... Нет, друг любезный! Так не годится...

Уличный бродяга тотчас отдернул руку, точно ее ошпарили кипятком.

– Что – взамен?

Бомж пристально посмотрел на Арсена. Только теперь сыщик обратил внимание на то, как именно был одет уличный пилигрим. На нем, точно на вешалке, мешком висела, то ли куртка, то ли пальто грязного цвета. С неровными краями рукава были оторваны до локтей.

Погрузив в карманы похожие на две кочерги, которыми за минуту до того рьяно шуровали при-
тухшую печную золу, длани, вскоре из одного из них божом с опаской извлек какой-то предмет.
С первого взгляда нельзя было точно определить, во что он был обернут. Было ли это девичьим
платком из ситца, узоры которого уже нельзя было различить, или же мерным лоскутом
ткани, какие хозяйки используют для бытовых нужд до того, как он станет никому не нужным,
лоснящимся от грязи, тряпьем?..

– Что это? – подозрительно спросил Радеев, который, как ни старался, не мог перебороть
в себе брезгливость.

Не долго думая, человек из ниоткуда протянул сверток Арсену. Тот, взяв его, осторожно,
словно ладонь его отягощала граната, которая, если нечаянно выдернуть чеку, могла в любую
секунду взорваться, потянул за конец тряпки. Вскоре он сжимал в руке рукоять метательного
ножа. Точно такой же в качестве вещь-дока хранился в сейфе у Переверзева.

Радеев даже присвистнул от удивления.

– Ты это... Где нашел?

Божом указал на мусорный бак.

«Мог бы и не спрашивать! – с досадой подумал про себя сыщик. – И без того понятно,
где!»

Только теперь Радеев обратил внимание на то, что бездомный до сих пор не сказал ему
ни слова, обходясь жестами.

– Ты – что? Немой, что ли?

В ответ бедняга открыл рот и указал на обрубок языка.

– Да а а!.. Кто ж это тебя – так? Уж, не наш ли маньяк, ненароком, к этому руку приложил?
Немой, согласно кивнув, указал на нож.

– Правильно, правильно, гоните его с нашего двора в шею! – бойко залопотала прохо-
дившая в это время мимо Радеева пожилая женщина. – Вы, наверное, из полиции?.. Мало того,
что он тут возле наших мусорных контейнеров безобразит, так еще напьется и по ночам спать
не дает!

– Да, что вы говорите?

– А, вы думаете, я лгу?.. Примерно, с неделю назад, а может и более того, он тут такой
концерт закатил... Орал за полночь так, будто его режут! Не верите, у моих детей спросите...
Они в ту ночь, как раз, с гостей возвращались и все видели и слышали!

– А ...? – хотел, было, спросить Радеев.

– Да, вот и – они!

Обернувшись, сыщик увидел высокого парня и девушку. Когда они приблизились, она
продолжая держать его под руку, еще плотнее прижалась к нему, словно боялась, что, если
ослабит хватку, то совершит в своей жизни самую непоправимую ошибку: улучшив момент, ее
голубок рванется из опостылевших пут и навсегда упорхнет от нее... И, конечно же, никакая
полиция ей тут не поможет!

– Лейтенант Радеев!

Арсен показал удостоверение.

– Вот, сынок, расскажи товарищу лейтенанту про тот самый случай, а то гражданин
из полиции, может, думает, что я тут сказки про белого бычка ему рассказываю... Шляются
тут по ночам всякие отбросы общества, спать добрым людям не дают!..

– Вам знаком этот гражданин?

Парень, глянув мельком на божом, согласно кивнул.

Немой то ли в знак протеста, оттого, что, как ему казалось, его незаслуженно оскорбили,
то ли еще по какой причине вновь промывал что-то нечленораздельное себе под нос.

– Да, еще бы! В ту ночь... Как сейчас помню! Это было больше недели назад... В прошлое воскресенье!.. Он орал тут на всю улицу, как сумасшедший! Вот он как раз возле этих мусорных контейнеров тогда пьяный в стельку валялся...

– А что, если это был не он? Ночь ведь на дворе была, и вы не можете точно утверждать...

– Я понимаю, что вы хотите сказать. Но я-то был трезвый. И, к тому же, как раз мимо легковушка проезжала. Фары у нее еще таким неоновым светом горели. Светло-голубым... Так, что все вокруг еще лучше, чем днем было видно. Я, даже не смотря на его ор, вместо того, чтобы рот ему заткнуть, пожалел беднягу. Лицо у него все было в крови... Подумал, еще, что сильно ударился он обо что-то, когда падал...

– А номер? Номер машины ты не запомнил...

Парень скорчил язвительную мину.

– А зачем, мне – это?

Радеев заметил, как девушка легонько толкнула парня в бок.

– Ну, что ж, вам придется все это еще раз мне рассказать в прокуратуре...

Арсен достал из кожаной папки чистый бланк повестки, которые он на всякий случай всегда имел при себе.

– Я... Я заметила последние две цифры!

Радеев с удивлением посмотрел на девушку.

– Почему только две?

– Потому, что все остальное было заляпано грязью...

Последние две цифры были семь и девять! Я хорошо это запомнила.

– Ну, что ж... И на том спасибо!.. Но к нам в прокуратуру вам все-таки придется придти...

12

Сюзи все больше впечатляла Романа. Рядом с ней было как-то легко и спокойно у него на душе. Словно само ее присутствие лишний раз убеждало его, что, в сущности, дела обстоят не так уж и плохо. Ему даже невольно рисовались картины их будущей совместной жизни. И, конечно же, не в России, а где-нибудь там, на Багамах или Гавайях, куда все ездят по турпутевкам и, где его нога, обутая в ботинки сорок третьего размера, ни разу пока что не ступала. «Ничего, ничего! – тешил себя зряшной надеждой он. – Настанет и наш черед! Уже доберусь я до этих самых паштетов из антилопы Гну и виски с содовой...» Но где-то в глубине своей темной души он понимал, что не видать ему этих самых Мальдивов, как собственных ягод! И проблема не в том, что глаз на затылке нет...

Он любовался на изгибы ее молодого женского тела, слушал, как она что-то негромко напевала, глядя на завтра его рубашку, и ему хотелось, чтобы так было всегда. Он даже смирился с тем, что она доставала его своими постоянными расспросами про его работу. И ему приходилось врать про эту самую работу, что на ум взбредет. Не мог же он сказать ей, кем он являлся на самом деле. Но Сюзи, словно чувствовала, что он многого не договаривает, и это ее невольно настораживало.

– Ты ведь знаешь, женщины – народ любознательный!

Бабы на работе интересуются, много, мол, твой заколачивает? Какая у него – должность? А я ничего им в ответ сказать не могу. Секретная, говорю, у него должность! А – какая, не вашего ума – дело... А бабы: «Да, она сама, поди, про него ни черта не знает! Хмыря у себя в хате приютила! Змея подколодного на груди пригрела... Погоди, заползет он в твою бедную душу, потом никакими клещами его оттуда не вытянешь... Будешь выть по-волчьи, судьбу проклинать, да поздно будет!» Дуры, я им говорю. Хорошего человека за версту видать! И, чем это, он – хорош, интересуются?

– А, ты – что?

Они сидели на диване. Приобняв Сюзи, Роман поцеловал ее в губы, чтобы скрыть некоторое замешательство.

– А, как ты думаешь?.. Что есть, то и говорю! Молодой! Хорош собой! Ухоженный, говорю. Можно сказать, с иголки одет. И деньги – всегда при нем.

Роман с облегчением вздохнул. Его самолюбию льстило, что Сюзи – о нем самого наилучшего мнения. Когда она смотрела на него, взгляд ее излучал тепло и нежность. Время от времени в ее светло-серых глазах вспыхивало тайное желание, которое, как не стремилась, она не могла в себе побороть.

Тимур строго-настрого предупреждал его, чтобы он не светился!

– Мне придется убрать тебя, а потом твою бабу, если ты проколешься и потянешь меня за собой!

И это была не шутка.

И все-таки настал тот момент, когда, ради того, чтобы быть рядом с ней и не вызывать никаких подозрений на счет собственной весьма таинственной особы, ему пришлось начать лгать.

Он попытался вновь поцеловать ее, но она вдруг довольно холодно отстранилась.

– Зачем мне мужчина, который и на полногтя не желает приоткрыть мне свою истинную сущность?..

– Разве, тебе станет легче, если я скажу, где и кем я работаю?

– Вот именно!

– Ну, хорошо!.. Будь, по-твоему!.. Я... Инженер человеческих душ!

– Кто, кто?

Сюзи прыснула в ладонь от смеха.

– Ну, вот видишь! Ты уже смеешься!

Усилием воли, стерев с лица улыбку, Сюзи спросила:

– Что значит «инженер человеческих душ»? Психолог, что ли? Или, погоди, психотерапевт!

– Ну, вроде того!

– Так, ты в психушке работаешь?

– Да, нет! – как мог, съезжал с темы Роман.

– Тогда, кем?

– Любопытная – ты, сильно!

– А у тебя так прямо и язык отвалится, про свою секретную работу мне все, как на духу, рассказать...

– Да, в наркологическом диспансере я работаю! В частном!

Это Тимур его надоумил. Мол, если баба твоя будет любопытничать, что за фрукт? Чем на жизнь промышляешь? Придумай что-нибудь такое, о чем тебе самому не хотелось бы особенно распространяться. Но профессия твоя должна быть престижной и хорошо оплачиваемой.

Сюзи с любопытством и некоторой долей сомнения одновременно уставилась на Романа.

Но тот казался, как никогда, серьезен. Под ее пытливым взглядом ни один мускул лица его не дрогнул.

– Ой! Ну, да?!

Сюзи, хотя и не сразу, а после того, как переварила то блюдо, каким потчевал ее Роман, наконец, как будто бы и впрямь поверила ему.

– А ты знаешь, у меня подруга... Тоже – торгашка... А у ней муж – забулдыга... Ты не можешь его... Ну, это... Сам понимаешь... От алкоголизма раз и навсегда избавиться?

Он почему-то совсем нехстати, а, может быть, наоборот, вспомнил про метательный нож... Настоящий гарпун! Как-то вместе с Тимуром они выехали за город. Тимур первым метнул нож. Лезвие без труда, словно в масло, вошло в ствол дерева ровно наполовину. Потом настала его очередь... Когда он шел на очередное дело, Тимур каждый раз снабжал его новым ножом, ничем не отличавшимся от прежних, которые по настоянию своего шефа оставлял на месте преступления...

– Избавить? Я избавить ото всего могу...

– Неужели?

Сюзи посмотрела на Романа восхищенными глазами. Кажется, теперь она больше ни капли не сомневалась в нем. Она и вправду считала его вполне порядочным и преуспевающим человеком. Человеком научного склада ума. ...Он все чаще замечал на себе ее влюбленный взгляд.

– Вообще-то ты меня сильно не афишируй. Не люблю я этого!

Его чрезмерную скромность Сюзи была склонна отнести скорее к числу достоинств нежели к недостаткам.

После секса она гладила его поросшую редкими волосками грудь мягкой ладошкой.

– Тебе хорошо со мной? – спрашивала она.

– А тебе? – как можно безразличнее отвечал он вопросом на вопрос, стараясь не смотреть при этом в ее светло-серые омуты.

«А она – ничего! – думал он про себя. – Очень даже ничего, если не сказать больше! Особенно в постели! Ну, просто супер, какая милашка!»

Только по прошествии месяца их совместной жизни, он, кажется, как следует, рассмотрел ее. И теперь она казалась ему даже красивой! Не меньше. Эти вьющиеся каштановые волосы, обнимавшие ее худенькие плечи, слегка вздернутый нос... Кончик его все время двигался,

если она что-нибудь говорила. Губки – сердечком, точно у какой-нибудь сказочной принцески из мультяшек!

- Почему ты не даришь мне цветов?
- Это – что?.. Твое заветное желание?
- Ну, можно сказать и так...
- А какие – твои самые любимые?

На следующий день он купил ей золотую цепочку.

Тимур деньгами его особенно не баловал, но и шибко не скупился. Уровень жизни подерживал, как надо. Дровосек это принимал, как должное. «Наемный убийца – это все равно, что камикадзе! Сегодня жив, а завтра...» – полагал он. Но о том, что будет завтра, ему думать не хотелось.

13

– Ты проводишь меня? – спросила Ксю, когда они вышли из ресторана.

После выпитого в голове у Белова немного шумело. К тому же, в мозгу то и дело прокручивалась навязчивая мелодия фирменного саундтрека, которую за вечер музыканты исполнили, по меньшей мере, трижды: «Бангладеш, Бангладеш! Хочешь, пей, а, хочешь, ешь! Апельсины и коньяк! Лучше – водки!.. Это – факт!» Причем «факт» слышалось как «фак».

– Ну, прямо, черт его знает, что такое! – с усмешкой пробормотал себе под нос Белов.

– Ты что-то сказал? – спросила его Ксю.

Решительно обхватив Дэна рукой за талию, она так плотно придвинулась к нему всем телом, что он явственно ощутил ее тепло. Он пристально посмотрел на нее. Она была хороша. Все также хороша, как и прежде. А, может, даже лучше! Ее длинные ресницы были широко распахнуты, а глаза... Глаза, казалось, даже в полумраке излучали какой-то особенный мягкий и таинственный свет.

– Кто бы мог подумать, что через столько лет, мы вдруг вот так, совсем неожиданно, встретимся снова! Бывают же на свете чудеса!

– Ты думаешь, это – случайность?

– А – ты? Разве, нет?

Белов с сомнением пожал плечами.

– Наверно, нам суждено было встретиться вновь! Вот только...

Дэн замялся.

– Что «только»? Ты в чем-то сомневаешься? Ты не можешь простить мне того, как я обошлась с тобой в наше последнее свидание?

То, как она об этом спросила, заставило его ощутить невыразимый прилив нежности. Он вдруг остановился и, грубо притянув ее к себе, поцеловал в губы.

– Ты?... Я...

Ничего подобного Ксю не ожидала. В этот миг она поняла, что Дэн был уже совсем не тот, что прежде. Он стал мужчиной. Настоящим мужчиной. А она... Она, кажется, этого не учла.

Ксю тогда не пришла на стрелку, которую забил Чернов для них троих.

– Ну-ну!.. – только и сказал Чернов.

И Белову в очередной раз послышалась в его тоне скрытая угроза.

Белов хорошо помнил, как он и Ксю пошли на вечерний сеанс кинофильма в клуб, который был переполнен зрителями до отказа. А когда свет в зале стал гаснуть, он с удивлением увидел, как на свободное место рядом с Ксю, опустился кто-то.

– Привет! – угрюмо пробубнил он.

Это был Чернов!

Фильм оказался великолепным! Они сидели рядышком, зачарованно глядя на оживший под лучами кинопроектора широкоформатный холст и, держась за руки. Макс же, расположившись по левую руку от Ксю, все время пялился на экран и, словно не замечал их. Все было прекрасно до того самого момента, когда фильм закончился, и толпа повалила к выходу. Дэн лишь на секунду выпустил ее ладонь из своей, а когда повернул голову, девушки рядом с ним уже не было. Макса – тоже!

Он ждал ее на улице до тех пор, пока все не вышли из клуба. Не понимая, как он и Ксю могли потерять друг друга в толпе, Дэн кинулся обратно в клуб. Быть может, не выдержав давки, она осталась там в ожидании того, пока последний зритель не покинет зал. Тогда можно будет, никого не пихая локтем, спокойно выйти наружу. Но свет в помещении был потушен.

– Ксю! – без всякой надежды, что она его слышит, крикнул он в пустоту, где не было видно ни зги.

Еще какое-то время он шарахался впотьмах по залу, пока вошедшая туда и направившая на него луч фонарика контролер не выставила его за дверь, на улицу. Не зная, что делать, Белов во весь дух помчался на другой конец села, к дому, где жила Ксю. Было уже довольно сумрачно. И все же еще издали он заметил ее силуэт.

– Ксю! Постой! Это – я! Да, погоди же, говорю!..

Но вместо этого, оглянувшись, Ксю метнулась к калитке и скоро исчезла за ней.

– Вот – блин! Да, что с ней такое стряслось! – недоумевал Дэн.

Он решил зайти к ней в дом, чтобы все выяснить... Однако, как только, приблизился к крыльцу, очертания которого словно растворились во внезапно окутавшей все вокруг мгле, кто-то бросился на него оттуда с кулаками. Через секунду Дэн лежал ничком на земле.

– Ах, ты, ублюдок! Ну, погоди же, я тебя сейчас так отделаю! Век меня помнить будешь!..

Клацая зубами от страха, Белов вскочил на ноги и был таков.

На следующий день, старательно прикрывая ладонью синяк под глазом, Дэн всячески делал вид, что ничего особенного не случилось... Мол, с кем не бывает!..

– Так тебе и надо, телку колхозному! Будешь знать, за кем волочишься!

Чернов не таил своего злорадства.

– Папашка-то ее, заявление в милицию написал, как будто бы на его дочь после того сеанса в кино какой-то тип напал.

– Какой еще тип?

– А я, откуда знаю?! И вообще, никто и ничего толком не видел. Темно ведь было! Только, говорят, потом он почему-то передумал делать то, что намеревался вначале. Отпустил девуку, не солоно хлебавши... Платье только на ней в нескольких местах порвал. Да, еще пообещал ей напоследок, что непременно они свидятся...

– Врешь! Быть такого не может!..

– Еще как, может!

Дэн не знал, что и думать.

– У тебя такое лицо, как будто ты конец света увидел!

Макс словно издевался над ним.

– И потом... Чего мне врать-то? Уже вся деревня об этом только и судачит...

Надо сказать, разговор с Максом посеял в Белове еще большую тревогу...

После он не раз замечал, как при виде Ксю взгляд Чернова, словно затухший костерок при дуновении ветра, вдруг живо загорался. Но не придавал этому значения... Ведь Ксю даже кивком головы не удосуживалась обменяться с Максом при встрече...

– Ну, и как у тебя – с ней? – не в первый раз с нарочитым безразличием интересовался Чернов.

– Да, никак! – сквозь зубы отвечал Дэн.

– Ну, ладно тебе байки рассказывать! Ты мне-то, как лучшему своему другу, скажи, по чесноку: скрутила она тебя по рукам и ногам? Только башкой пока что шевелить и можешь! Погодь, еще не то будет...

– А, что будет?

– А вот увидишь! От папашки ее ты уже по мусаку получил? Что, не так, скажешь?

– Подумаешь! Это ни о чем не говорит!..

– Говорит! Еще как говорит! Причем, о многом...

– Например?

– Да, о том, что не любишь ты ни себя, ни ее...

– Что ты такое несешь?!

От злости Дэн едва не подпрыгнул на месте.

– Плохо мне без нее! Ты понял? Совсем невоготу! А, когда провожаю ее до дому, то, не только звук ее голоса... Шорох платья болью в сердце отзывается!.. По ночам спать не могу! Только о ней и думаю!

В ответ Чернов брезгливо скривил рот.

– Что ты в ней нашел, скажи?

Но Белову казалось, что он не до конца искренен. Что Чернов по-прежнему равнодушен к девушке, которая из них двоих предпочла Белова. А говорит так, чтобы не выказать своих истинных чувств. А возможно, ревнует его к ней! Как друга, близкого друга, конечно.

Но все это и многое другое Белов уже более отчетливо понял потом. Много лет спустя. Тогда же на заре юности он был доверчив и наивен, как дитя, и практически все, кроме откровенной лжи, принимал за чистую монету. Он свято верил в настоящую пацанскую дружбу.

Даже не попрощавшись с Хитруком и Галинкой, которые по известной только им одним причине задержались в ресторане, Белов и Ксю направились по ярко освещенной улице, как будто бы совершенно позабыв о цели их пути.

– Ну, и, куда мы – теперь? – спросил Дэн, втайне надеясь на большее, чем недавний поцелуй и прогулка по вечернему городу.

Ксения склонила голову на его плечо, и он почувствовал, что она хочет того же, что и он.

– Ты проводишь меня?

Одной рукой обхватив за плечи, другой, он осторожно сжал ее теплую, легко поместившуюся в его пятерне, ладонь.

– Я всегда думал о тебе с тех пор, как мы расстались!..

Примерно, через полчаса или, немногим более того, они оказались у цели.

Это был обыкновенный деревянный барак, который находился на окраине города. Когда они подошли к двери, не говоря ни слова, он переступил порог вслед за ней и не выходил из дома уже до самого утра.

14

Записав на всякий случай адрес свидетелей, так удачно подвернувшихся ему под руку, Арсен сунул блокнот во внутренний карман.

– При необходимости вызову! – предупредил он. – А ты...

Но, оглядевшись по сторонам, он понял, что немой бесследно исчез.

– Тьфу ты! – выругался он. – Куда этот чертов бож мог подеваться?..

Переверзев, аж, побагровел от негодования, когда на следующее утро Радеев изложил ему суть дела.

– Найти немого свидетеля! Немедленно найти!.. Экий ты, Арсеша, млин, лопух придорожный!

Радеев и сам понимал, что дал изрядного маху. Но от этого ему было не легче.

– Виноват, товарищ капитан! Вот только лопухом и прочими видами флоры и фауны прошу меня не называть!

Арсен начинал тихо ненавидеть своего шефа, когда тот, сознательно, а, возможно, и нет, но все ж таки переходил на личности.

– Кажется, мы уже с вами говорили на эту тему... Это не этично!

Словно в раздумье над непосильной задачей, Переверзев наморщил лоб, испещренный мелкой сетью морщин, которой, точно радаром, он улавливал сигналы извне.

– Ну, да! Говорили! А выводов-то ты не сделал! Значит, кто – ты, тогда, скажи мне? Молодец-огурец? Или лучок с кулачок?

Арсен с досадой отметил про себя, что, видимо, Никанорыч в этот раз окончательно с пригорка съехал, забыв затянуть на роликовых коньках шнурки.

– И не егось! По сторонам, как ненормальный, не зыркай, словно огреть меня по башке хочешь тем, что под руку попадетя! Хватит мне одного маньяка!..

В ответ Радеев лишь сокрушенно вздохнул.

– Вот придете вы однажды в прокуратуру! Шагнете за порог кабинета. А он – пустой! «Да, где ж, этот Радеев? – подумаете. – Опять, поди, на работу опаздывает!» И вдруг с удивлением обнаружите, как посреди следовательской комнаты прямо из-под пола растет вот этот самый лопух!.. Или там... Лучок с кулачок!..

– Хм...

Лишь теперь Арсен обратил внимание на темные круги под глазами Переверзева, словно кто их тушью нарочно подрисовал...

– Ну, и к чему ты мне тут сказки всякие сочиняешь?

– Это – не сказки! Мысли-то материализуются!

Переверзев с сомнением чмокнул сочными губами.

– Тогда, почему оттого, что я каждую ночь думаю, как изловить душегуба, он не ловится?

– Наверное, крючок – маловат, и наживка никуда не годится!

– А может, на этого крокодила не крючок нужен... К тому же, ему, что не наживляй, ни чем не побрезгует! Даже дерьмом!

– Интересно, что он добром считает, если останки людей и те норovit в мусорный бак скинуть?..

Их спор наверняка бы продолжился, если бы в это время на пороге кабинета неожиданно не появилась секретарь самого Докучаева. Оба понимали, что прокурор ни с того, сего не станет, таким образом, подчиненных, словно морковь из грядки, за чубы из кабинетов выдергивать, чтоб головомойку устроить. Значит, случай был особый!..

– Снова – труп?!!

На этот раз прокурор самолично выехал на место преступления. Переверзев и Радеев сопровождали его.

– Где обнаружили останки? – угрюмо поинтересовался Докучаев у одного из оперативников, когда они прибыли на место.

– В этом контейнере! – тотчас ответил тот.

– Опять – женщина?

– Нет, мужчина!..

Оперативник замялся.

– Что – еще? Говорите, если есть, что сказать!..

Тот согласно кивнул.

– Скорее всего, бездомный...

Это был тот самый мусорный контейнер, возле которого днем ранее Арсен опрашивал случайных свидетелей. Точнее, свидетелем убийства изрезанной на куски очередной жертвы из числа представительниц женского пола мог быть лишь один из них. Тот самый, как воду канувший, бомж. Но теперь он как будто бы нашелся. Говорить он и прежде не мог. Но хотя бы мог хоть как-то изъясняться при помощи жестов...

– Бездомный, говоришь?

– Ну, да. Небритый. Одежка кое-какая. Обувка стоптанная...

– Тьфу, ты! – разозлился Докучаев. – Хватит мне преждевременно излагать тут детали!..

Вы все поняли?

И он вперил свой взор, точно гвоздь вбил меж надбровных дуг Переверзева. У того ни с того, ни с сего даже в висках заломило.

– Подробный отчет о происшествии – завтра ко мне на стол. Это, похоже, ваш клиент!

– Видал бы я таких клиентов... – всю обратную дорогу недовольно бурчал, словно сам с собой разговаривал, Петр Никанорович.

15

– Круто, да?!

Глаза Ксюхи восторженно блестели, когда, хвастаясь, она показывала одноклассникам свой дневник. За год по всем предметам у ней были круглые пятерки.

– Вот повезло!

Подружки радовались за нее и в то же время завидовали, даже не пытались скрывать своей зависти.

«Что значит, повезло?» – думал Макс. Он не знал, что такое везение или невезение. Его родители, пока были живы, пили, можно сказать, безбожно. По-черному. И не потому, что фамилия была такая! Пьяные они ужасно ссорились и ругались. А после одной из ссор, которая, как ни странно, как будто бы закончилась примирением, их не стало. Макс на всю жизнь врезалось в память, как отец, замахнувшись, ударил мать кулаком. Та упала на пол. Размазывая слезы и кровь по лицу, она кричала:

– Ну, бей! Бей! Врежь мне еще... Говнюк!

Но отец налил полный стакан водки и, залпом выпив, вышел из дому.

– Правильно, пошел вон! Ступай к шлюхе своей, Беловой! Может она приголубит тебя... Потаскуха эта!..

Почти каждая ссора родителей заканчивалась тем, что мать бранила свою якобы соперницу. Но Белова жила с мужем.

Уже позже, достаточно повзрослев, Макс узнал от старшего брата Фомы, что их отца и мать Дэна Белова что-то связывало прежде. Возможно, это была юношеская любовь, от которой воспоминания и то не осталось. Старший брат рассказывал, что что-то у них там не заладилось, и Белова, которая в девичестве, конечно же, носила другую фамилию, выбрала в спутники жизни того, с кем была счастлива уже много лет подряд. А отец... Отец хотя и женился на их матери, прежнюю любовь никак не мог забыть. Брак не принес ему счастья. Из-за этого, в конце концов, он и спился. Мучаясь рядом с ним, как полагал Макс, пила и его мать.

...Выловили трупы родителей в реке несколько дней спустя после того, как Фома в органы заявление подал. Трупы были почему-то в одежде... Но никто и ничего толком выяснять не стал... А до этого кто-то из селян рассказывал, что нашел на берегу пустые бутылки из-под водки. Как раз неподалеку от места, где утопленников к берегу прибило.

– Ну, вот допились! – размазывая слезы по лицу, никак не мог успокоиться Фома.

Он часто конфликтовал с родителями, безжалостно прожигавшими свою жизнь. Особенно с отцом, которому грозился физиономию начистить, чтобы мать не обижал.

А еще Макс узнал от старшего брата, что кто-то из предков Черновых... Был черносотенцем... Ну, был и был!.. Невидадь какая! Жил Макс со старшим братом вдвоем. Тот в местном совхозе трактористом работал. В свободное от работы время в местном клубе секцию рукопашного боя преподавал. Прежде-то он служил в спецназе. После ранения его комиссовали.

– Обучу тебя рукопашному бою, и ты в спецназ служить пойдешь! – обещал Фома младшему братцу.

Фома был очень сильный, но вместе с тем стройный и хорош собой. Почти все девчонки села втайне сохли по нему и были не прочь завести с ним роман. И Фома, честно говоря, пользовался этим. Девчонок менял, как прикид, когда по выходным ходил в клуб на танцы, что не особенно нравилось деревенским парням. И не только им.

– Хорошо хоть на замужних не зарится! – поговаривали в деревне.

Деревня была большая. И частенько в местный клуб досуг провести приезжали ребята из соседних сел. Точнее небольших близлежащих поселков, разбросанных там и сям. Приезжали в основном те, у кого был собственный транспорт. Впрочем, некоторые приходили пехом,

даже если нужно было пройти километра три, а то и пять. Понятно, что клубов там, где они проживали, не было, да и не могло быть вовсе.

Как-то Макс вернулся домой со школы пораньше и неожиданно для себя застал старшего брата, сидевшего за столом с ручкой в руках. Перед ним лежал белый лист бумаги, и он что-то на нем писал.

Наступил апрель, и на улице было еще довольно прохладно. Но окно в комнату почему-то было распахнуто. Макс подошел к окну, чтобы его закрыть.

– Не май – месяц!.. Чего окно-то раззявил?

Бросив в него нечаянный взгляд, Макс вдруг увидел то, чего ему лучше бы не видеть вовсе! Он прямо-таки опешил, едва не сиганув через подоконник в сад... Это была она! Во всей округе ни у кого из девчонок не имелось точно такого же светло-коричневого дождевика. Она быстро шла вдоль кустов смородины, и ее темные волосы, раскиданные по плечам, взвевались кверху при каждом ее шаге. От картины представшей перед его взором, в груди у Макса тупо заняло.

– Ты – что, мемуары пишешь?

Макс никогда не видел Фому даже с книжкой в руках, и, уж, тем более, за таким серьезным занятием, как изложение собственных мыслей при помощи ручки и бумаги. Письма же с места прежней службы он присылал примерно раз в год, а то и того реже.

– Какие еще мемуары! Скажешь, тоже... Корешку моему письмецо решил отправить, чтоб в гости заехал. Повидаться бы надо!

Что на это мог сказать Макс? Надо, так надо!

16

Тимур встречался с Дровосеком в основном на квартире. Но иногда, в порядке исключения, заказывал столик на двоих в ресторане. Ему надо было, чтобы Дровосек стал для него открытой книгой. Он должен был получше нащупать струнки его эго, на которых он мог сыграть именно ту мелодию, которую ему вздумается. Для Тимура важным казалось видеть своего выпестыша в реальном свете и понимать, во что превращается это орудие убийства. Эта машина, которая пока что еще чувствует, как человек, но зачастую думает, как робот. Назрела необходимость вживить в его серое вещество, словно в системное плато, собственную программу. Что-то вроде чип-тюнинга! Еще одной извилины, доминирующей над всеми остальными!.. И время от времени проверять, как она работает. Какие ее рефлексии требуют дополнительной регулировки, а, значит, его непосредственного вмешательства, а какие доведены практически до совершенства.

Это Тимур подтолкнул его к разного рода размышлениям о смысле жизни.

Они сидели в ресторане и пили мартель «Экстра» со вкусом орехов. За столиком рядом, по правую от Дровосека руку, присоседились довольно молодые особы. Видно, они уже были изрядно навеселе, так как, то и дело, раздавался их громкий хохот.

– Какую ты из них хочешь? – почти не разжимая рта, спросил Тимур, видя, что его собеседник постоянно пялится то на одну, то на другую пьяную хохотушку.

Дровосек, потупив взгляд, уставился в тарелку. «Хочешь» означало ни больше, ни меньше, а именно то, что он должен был делать по наводке Тимура.

– Никакую! – угрюмо ответил он.

На тот момент на совести Дровосека была лишь его благоверная.

– Я хочу, чтобы ты, в конце концов, стал профессионалом и научился с блеском выполнять свою работу. Перестань думать о ней... Ты понимаешь, о ком я говорю!.. Только, как об объекте сексуального наслаждения! Получай удовольствие от работы...

– К чему – это все?

Дровосек не без основания полагал, что Тимур псих и к тому же женоненавистник. «Импотент проклятый! Наверное, по-другому ты не можешь испытать оргазма, вот и рад замочить всех подряд!» – так и хотелось ему бросить в лицо этому живодеру. Но Дровосек не сделал этого. Ему еще хотелось жить. Да, и деньги, которыми снабдил его Тимур, он не мог просто так взять и списать со счетов.

– Что? В штаны уже наделал, небось?

Тимур выплюнул косточку маслина в пустую тарелку.

– Я ведь не всех подряд тебе хочу предложить, а только некоторых...

Он разлил жидкость золотисто-медного цвета, пахнущую виноградом и миндалем в рюмки.

– Чем же это одни отличаются от других? – недоверчиво усмехнулся Дровосек.

– Тем, что одни живут в свое удовольствие, а другие не могут... А, значит, не хотят! Ну, не хотите, так не мешайте другим!.. Будьте, благоразумными!.. Иначе, жизнь на земле совсем прекратится. Ты этого хочешь?..

– Но ведь, это – не их вина!

Тимур едва заметно пожал плечами.

– А – чья же, тогда?..

Дровосек разинул, было, рот, чтобы ответить хоть что-то вразумительное своему наставнику, но все слова, казалось, в один миг куда-то улетучились из его головы.

– Да, да! Я понимаю, что ты хочешь мне сказать! Мол, житуха – штукавина несправедливая... Потому судьба не у всех складывается, как надо... Ага! Все это мы уже не раз проходили...

Они выпили еще, и Дровосек неожиданно для себя подумал о том, что Тимур, и в самом деле, по-своему в чем-то прав.

– Я надеюсь, что ты, наконец, поймешь: сила нужна для того, чтобы ею пользоваться! Иначе, она перестанет быть силой! А слабый... Слабый, ты – живой труп! – без всякой последовательности продолжил Тимур, и его слегка бугристый лоб, разделив надвое, пробороzdила глубокая морщина. По одну ее сторону – добро, по другую – зло. Но морщина вдруг исчезла, так же, как и появилась. И грань стерлась.

– У тебя все получится! – за один глоток осушив бокал, сказал Тимур. – Даже не сомневайся!

17

– Ты встретишь меня сегодня после работы?

В голосе Ксю слышалось что-то тревожное и в то же время умоляющее. По крайней мере, ему так показалось. Но он не придал этому особенного значения. У него было легко и приятно на душе оттого, что их желания совпадали. Ведь он сам хотел предложить ей это.

– Скажи, тебе и вправду хочешь видеть меня снова?

Дэн не верил своему счастью.

– А ты все еще сомневаешься в этом?

Улыбка озарила лицо Ксю, словно самый первый рассветный луч – землю. Да, это была именно та женщина, о которой он мечтал всю жизнь и которой тщетно добивался со школьной скамьи. И вот, наконец, его мечта как будто бы началась сбываться... Хотя, если разобраться, все это, как две горошины из одного стручка, походило на то, что происходило с ними, кажется, еще совсем недавно... «Ты проводишь меня после школы?» – спрашивала Ксю, настойчиво теребя его за рукав...

...В этот раз они снова допоздна гуляли по вечернему городу. Видимо, Ксю не хотела сразу же брать его в оборот и тащить на окраину города, как она надеялась, теперь уже в их общий дом. Это было бы скучно. Ведь должна же в отношениях между молодыми мужчиной и женщиной присутствовать романтика.

Они зашли в какое-то кафе и съели по горячей пицце, запив молочным коктейлем. Как хорошо, что на этот раз они были одни и могли говорить о чем угодно!.. А потом, свернув за угол ближайшей пятиэтажки, целоваться в засос. Что называется, до посинения!

Когда они уже подходили к своему уютному гнездышку, стало совсем темно. Хоть глаз выколи! Прильнув к Дэну, кажется, она чувствовала себя вполне уверенно и была полна смутных желаний и надежд. Но, едва они свернули в проулок, в конце которого виднелись очертания барака, как вся ее уверенность куда-то тотчас исчезла... Ей послышалось, как сзади раздались чьи-то осторожные шаги. Ксю быстро оглянулась, но непроглядная муть очень позднего вечера ответила ей лишь громким лаяньем дворовых собак.

– Пойдем скорее! Прошу тебя, Дэн!..

Переступив порог, Ксю тотчас плотно прикрыла двери. Лязгнул засов. Затем, не включая света, она занавесила шторы на окнах и, лишь потом облегченно вздохнула.

Ее тревога передалась и ему.

– Да, что – с тобой?..

Она пролепетала что-то невразумительное. Но, видимо, такой ответ не удовлетворил Дэна.

– Ты что-то скрываешь от меня?

– Скажешь тоже! – снова попыталась отшутиться она. – Так, бабские причуды! И не более того...

– Причуды?..

В конце концов, Дэн решил, что не было никакого резона заострять внимание на том, что, возможно, того не стоило. Ведь ничто не угрожало их счастью! По крайней мере, он на это надеялся! Жизнь без Ксю вновь потеряла бы для него всякий смысл...

18

У нее был собственный «Фольксваген» ярко-красного цвета. Как говорят, последний писк моды со всякими там наворотами типа кнопки, которая переводит машину в спортивный режим. Но совершенно новый автомобиль вдруг захандрил. По настоянию супруга ей пришлось сдать его в ремонт. В последнее время они с ним не особенно ладили. Она подозревала, что у него новая любовница, так как он регулярно не ночевал дома. Однажды, когда он объявился в их загородном коттедже под утро, она закатила ему скандал с истерикой. А, немного успокоившись, пригрозила, что подаст на развод и, таким образом, половина его имущества, которое измерялось... Точнее, его сложно было измерить и со счету не сбиться. В общем, половина этого отойдет к ней! Она сообщила это ровным голосом, глядя прямо ему в глаза. Он знал, что рано или поздно она это сделает. В свое время ему пришлось пойти на сделку с ней и пустить ее деньги в оборот. Иначе бы он не развил свой бизнес. Соответствующие бумаги хранились у адвоката, представлявшего ее интересы. Да, он женился на деньгах! Что ж здесь – плохого? Теперь многие так делали... Он был не дурак и после недавней ссоры стал вдруг с ней необыкновенно ласков. Он перестал пропадать по ночам, и она немного успокоилась. В то же время она часто замечала в его глазах нечто такое, чего в них прежде никогда не было. Она не могла понять, что именно? Но с каждым днем он и она становились все более чужими. При этом сладковато-приторная улыбочка часто не сходила с его лица, словно он во рту постоянно держал медовый леденец. Это как-то не очень сочеталось с тем, что вместо душевного тепла, она ощущала пугающий холод, который исходил от него, когда он прикасался к ней или просто находился рядом... И сомнение снова закралось в ее душу...

– Ты не дашь мне твой «Мерс» часа на три? Мне нужно съездить в город!

Это было последнее, о чем она его попросила. Но супруг вежливо отказал, с крайне озабоченным видом сославшись на то, что автомобиль очень понадобится ему сегодня для работы...

Ах, если б ее машина была исправна! Все вышло бы совсем по-иному... Она была бы уже на полпути к коттеджу!.. Она чересчур задержалась у подружки и затемно шла по пустынной улице. Кажется, лишь теперь она пожалела, что заранее не вызвала «Такси». Ее треклятые шпильки, как ей казалось, слишком громко стучали, ударяясь о мостовую. Это вызывало в ней раздражение и боязнь привлечь внимание какого-нибудь проходимца, который мог причинить ей вред... С еще большим недовольством и даже откровенной неприязнью она думала о муже, который, хоть и затаился на время, все ж таки, в чем она была абсолютно уверена, изменял ей! К тому же, он не дал ей на этот вечер свою машину!..

Она не знала, что он сделал это нарочно. А, если б знала, то вряд ли отважилась задать себе вопрос: с какой целью?.. Ответ на него окончательно разрушил бы ее слабую психику. Надломил морально. Ее жизнь и без того давно превратилась в мираж... Самое ужасное, что после неудачного аборта, она не могла иметь детей. Но со временем она смирилась с этой мыслью. Она перестала рыдать и рвать на себе волосы! И вообще, бунтовать против судьбы и пытаться хотя бы что-то изменить в ней. У нее на подобное просто не достало бы сил. И поэтому она плыла по течению. Она сделалась неприметной и слилась с серой массой невзрачных и зависимых от сильных мира сего людей. Наверно, она намеренно занизила самооценку, чтобы не навлечь на себя беды. Такую линию поведения ей подсказал инстинкт. И она слепо следовала ему. Вот и теперь она шла по улице, не оглядываясь, и потому не замечая тени, преследующей ее по пятам. Размазанной по асфальту подвижной тени! Зловещего фантома тьмы, который, вдруг возникнув у нее за спиной благодаря свету уличных фонарей, должен был превратить ее в точно такую же тень! Ее, довольно молодую и привлекательную особу из живой, пока еще живой, плоти и крови!

...Высокий каблук у нее неожиданно надломился. Припав на колено, она, матерно выругалась, так как была слегка пьяна. С каблуком уже ничего нельзя было сделать. Как же она будет добираться домой? Выпрямившись, она огляделась кругом и... увидела его! Он двигался быстрой бесшумной поступью. Слишком быстрой, чтобы предположить, что он спешил к ней на помощь. А когда рассеянные лучи иллюминатора выхватили на мгновение из тьмы его фигуру и лицо, она заметила, как в руке у него, до дрожи в коленях, что-то пугающе сверкнуло!..

Душа ее едва не ушла в пятки!.. Внутри все похолодело! Она вдруг отчетливо поняла, что минуты ее были сочтены. И провидение, даже, если этого сильно захочет, уже вряд ли успеет прийти к ней на помощь! Ко всему прочему, она не была набожна. Она не верила в добрых и злых волшебников. Когда в детстве мама принималась читать ей сказки на ночь, она просила ее не делать этого. Она закрывала глаза и тут же засыпала. Точно также она поступила и теперь. Ей захотелось поскорее навсегда уснуть! Одна лишь отчаянная мысль сверлила ее мозг: почему?! Почему это должно было произойти именно с ней?!

19

Никанорыч густо дымнул сигаретой.

– Автомобиль ты, конечно, не нашел?

Арсена так и подмывало ответить утвердительно. Позлить Переверзева. А потом – бац, и огорошить!.. Но он вовремя спохватился. Все-таки негоже было показывать свой норов перед шефом, спекулируя тем, что касалось жизни людей!..

– Машина, конечно, не иголка в стоге сена!..

– Ну, так еще бы! Конечно, не иголка! Была бы булавка, куда ни шло!

Швырнув окурок в пепельницу, Переверзев плевком затушил его.

– Нашел или нет, спрашиваю?..

Арсен даже втянул голову в плечи, ожидая, что Никанорыч непременно завершит свой вопрос чем-то вроде привычного для них обоих... Ну, «лопух» – тут, как будто бы, все понятно!.. А вот...

– Нашел! В соседнем дворе нашел! По описанию свидетелей это именно та машина. Последние две цифры «семь» и девять» совпадают, и при включении фары горят именно так, как они горели в ту ночь, то есть, неоновым, светло-голубым светом...

– Так! А кто – владелец машины?

– Типичный обыватель! Он женат. У него – двое детей. Судим никогда не был...

– Ну и что, что не был! Может, он – убийца и есть?

– Исключено это, Никанорыч! Он сказал, что видел того бомжа... И как он лежал возле контейнера.

– А раз видел, то почему не остановился? Не помог?.. А ведь человек, хоть и бомж, явно нуждался в помощи!

– Я задал ему точно такой же вопрос. Поздно, говорит, было... Побоялся! Да, и домой к жене и детям торопился. Поэтому про содержимое контейнера он ничего не знает и знать не хочет, а, уж, тем более, про то, что потом этого бомжа кто-то убил и на куски порезал!

– Понятное дело, что не хочет! А ты – что, какого-то другого ответа от него ожидал?

Спорить с Переверзевым и, тем более, что-либо доказывать ему, было бессмысленно.

– Вызови повесткой этого подозреваемого! Я сам его допрошу. А ты...

– Чайку! Чайку бы, Никанорыч!.. В горле, ужас – как, пересохло!

– Вот – зануда! Никогда не перебивай старшего по званию! Тем более, когда он дело говорит!

– Так, ведь дело – не вода в чайнике! Не выкипит!

– Вишь, ты! Умный какой! Тебе чайку-то, наверное, с лимоном бы хотелось!

– А – что, есть?

– Так, ведь сам знаешь, где искать!

Едва Арсен присел на корточки и, раскрыв тумбочку, что располагалась в дальнем углу кабинета, сунул в нее руку, чтобы взять лимон, как что-то, просвистев у него над самым ухом, с глухим стуком вонзилось в стену.

– Что за ...!

С запозданием отпрянув в сторону, Арсен встал, как вкопанный. Из стены, обшитой пластиком, торчал метательный нож с черной ручкой! Тот самый!!!

– Лимончик порезать не забудь! – так, как будто бы и впрямь ничего не произошло, с улыбкой сказал Переверзев.

– Нет, я, пожалуй, расхотел чаю!..

Радеев достал из кармана свежий платок и промокнул им лоб, на котором выступила испарина.

– А – что, так?

– Не знаю! Охоту вдруг отбило...

– И больше ничего?

– Где вы так научились ножи метать?

– А я и не учился! Этот нож, как ни брось, он, все одно, лезвием в цель попадет! Я проверял! Не веришь? А ты попробуй...

– Ну, что – вы? Как можно, вам и не верить! Особенно после того, как вы меня чуть заикой на всю оставшуюся жизнь не сделали!

– Это не – я! Это те, кто изготавливает такие ножи, и те, кто ими пользуются и заодно для собственного удовольствия или забавы ради на кусочки наших баб кромсают! Вот ты, Арсен, как раз и узнай, кто именно такими игрушками балуется!

Радеев подозрительно посмотрел на Никанорыча: уж не издевается ли он над ним? Ведь подобные ножи – это что-то вроде секретного оружия и никто на эту тему особенно распространяться не станет. Для самого, что ни на есть, завалящего спецподразделения прокурорские – не авторитет. Но физиономия Никанорыча была сама приветливость и добродушие.

– Арсен! А чайком-то, все ж таки, побалуйся!.. Надо ж, чем-то восполнять потраченные калории. Да, и мне заодно стаканчик не забудь налить!..

20

– Кажется, на хвосте у нас – два прокурорских дебилоида! – сказал Тимур тоном, в котором, как показалось Дровосеку, было мало оптимизма.

Хотя, вполне возможно, что ему так лишь и впрямь почудилось!..

– Ну, не совсем на хвосте... А так! Копают они там что-то!

– Клад, что ли, нашли?! – невпопад сострил Дровосек.

– Ага! Сокровища Монтесумы – бывшего депутата Государственный Думы!.. Слышал про такого?!

– Нет!.. Я... Как его?.. Про Монте-Кристо читал!..

Стараясь обратить все в шутку, Тимур давал понять Дровосеку, что контролирует ситуацию: иначе и быть не могло!..

– Так, вот! Разберешься хотя бы с одним из мусоров для начала, но без самодетельности!..

– А ты уверен, что у меня получится?

– Это ты должен быть уверен, а не я!.. За убийство своей жены ты уже заработал пожизненный срок! Разве не так?.. И не заставляй меня лишней раз напоминать тебе об этом!.. Пусть лучше будет одним мусором меньше, чем одним уткой больше!.. Слишком много и тех, и других развелось! Уже по улице спокойно пройти нельзя: или в КПЗ заберут, или кошель, не успеешь моргнуть, из кармана выудят!..

Тимур умел убеждать!

– Это – твоя следующая ступень на пути к свободе!..

Дровосек с облегчением вздохнул, словно и впрямь ощутил ту самую свободу, о которой говорил ее ярый приверженец из преисподней...

Тимур догадывался, что по своей, уже отчасти подпорченной плесенью житейских невзгод сути, его странный зомби был философом. Иначе говоря, несколько трусоват. Поэтому, прежде, чем решиться на что-то, он должен был обосновать для себя целесообразность этого поступка. Это придавало бы ему гораздо большую уверенность в себе, а, значит, обеспечило бы успех в том, в чем, как считал Тимур, сосунок этот, еще не очень-то и преуспел. Хотя нельзя было сказать, что Тимур был чересчур недоволен Дровосеком. Нет!.. Не чересчур, а так, самую малость...

– Это – тебе на чупа-чупсы!

Скомкав, Тимур швырнул к нему через стол несколько долларовых банкнот. Прямо на колени!

Лучше бы он не был с ним так пренебрежителен и груб! Дровосек испытывал двоякие чувства к своему Учителю. С одной стороны, он ощущал все большую нужду в деньгах, которыми регулярно снабжал его Тимур, поскольку был теперь в некотором роде человеком семейным. С другой, он все больше начинал откровенно недолюбливать Тимура. Но тот, как будто бы этого не замечал... Или делал вид?..

21

Макс ужасно злился на брата. Что ему других баб мало? Зачем ему – Ксю? А она-то – тоже хороша! Мозги всем подряд пудрит, а сама!..

Макс хотел как-то повлиять на Фому, чтобы он прекратил водить шашни с несовершеннолетней. Но в ответ на вполне определенные намеки младшего брата, тот делал удивленное лицо: мол, о чем ты братишка?.. И обезоруживающе улыбался.

– Смотри, на секцию сегодня не опаздывай!

Макс тотчас вставал в стойку и набрасывался на Фому, который охотно принимал вызов. Понятное дело, что все это была лишь игра. Иначе, Максу крепко не поздоровилось бы... Но Фома никогда не переходил грань дозволенного. После того, как родителей не стало, кроме младшего брата у Фомы никого не было. Макс прекрасно понимал это и отвечал Фоме взаимной любовью. Нет, конечно же, у Фомы с Ксю не было ничего серьезного! Иначе, он признался бы ему... Не чужой, все-таки! И его настоящий соперник... «Но почему? Почему все должно доставаться таким, как Беловы?» – думал Макс. Всегда сытый, и опрятно одетый Белов немало раздражал Фому. Но это был его друг...

Рукопашный бой! Это являлось единственным, в чем Чернов превосходил товарища. Но Дэн как будто бы ничуть не досадовал на это. Или не показывал вида... Он стоял напротив Макса, утирая ладонью в кровь разбитый нос.

– Запомни! Ты никогда не справишься со мной!.. До тех пор, пока я тебе этого не позволю!

Это было не только соперничество. Это еще была и месть за то, что девушка, в которую они были оба влюблены, в конце концов, предпочла Дэна. Макса это тихо бесило.

– А – ну, еще!.. Еще разок!..

Макс давал шанс Белову отыгаться.

– Да, хорош! Не хочу я больше... Силы надо поберечь!

– Для чего тебе их беречь?

– Как, для чего? Для учебы!

– А я думал ты для Ксеньки их бережешь! Что, не так скажешь?

– Это тебя не касается!

– Почему не касается? Что, разве ты – мне уже не друг, раз поделиться со мной своим самым сокровенным не хочешь?

Чернов, полагая, что Ксю не питала никаких серьезных чувств ни к одному из них двоих, словно издевался над Беловым. Ему было завидно, что его товарищ имел все то, чего Чернов был лишен с самого детства. И хотя Дэн не умел читать чужие мысли, надо было Максиму знать наперед, что, если от околицы до плетня рукой подать, то от дружбы до вражды – и того меньше. И в этом Чернов убедился очень скоро.

...Макс все чаще замечал, что в последнее время Фома частенько бывал не в настроении. То ли на работе у него не ладилось, или – еще чего, он не говорил. А Макс не хотел лезть на рожон и потому ни о чем спрашивать у брата не решался.

А в один прекрасный день Макс, как обычно, вернулся со школы домой. Он удивился, когда услышал голоса в комнате. Значит, Фома не пошел нынче на работу? Переступив порог, он обнаружил в комнате того, с кем хозяин дома вел беседу. Сидя за столом, он и его гость распивали полулитру.

– А, Макс! Знакомься, это мой – кореш, Герасим! Вместе в спецназе служили!

С самого первого взгляда спецназовец не понравился Максиму. Было в его взгляде из-под темных нависших бровей что-то, точно ночь в диком лесу, пугающее.

– Это – не тот, который Му-Му утопил? – сам того не ожидая, съязвил Макс.

– А, братан у тебя – ничего! Острый на язык! – на свой лад отреагировал на подобную шутку Герасим.

– Му-Му! Тоже мне, невидаль какая! Нашел писатель, кого жалеть... – пьяно ухмыльнулся Фома. – Знаешь, сколько у моего кореша на счету смертей?.. И – ничего! Спит себе спокойно... Гады эти не заслуживали того, чтобы белый свет поганить!.. Мрази! Из-за них и меня списали со счетов. Теперь вот на тракторе серозем давлю...

– Брось, Фома, психику пацану ломать! Мал он еще, знать про такие вещи!

– Мал, говоришь? Да, ни хрена подобного!..

– Давай, лучше выпьем!

Они чокнулись и молча опорожнили стаканы.

– Фома говорит, что на службу в спецназ тебя и твоего кореша отправить хочет! Я правильно понял, Фома?

Фома согласно кивнул.

– Зачем спрашиваешь? Я ж тебе все в письме написал!

– Ну, мало ли! Вдруг пацаны возьмут да передумают!

– Не передумаем! – решительно возразил Макс.

Герасим посмотрел на него так, словно очередь из автомата насквозь прошел. Только, что крови нигде не было видно. И Чернов-младший оставался цел и невредим.

– Ну, коли вопрос ребром встал, похлопочу я у ротного за вас ребятки! В наше время таких отчаянных голов на вроде нашего брата или, как нас по-другому называют, добровольных самоубийц, днем с огнем не сыскать! Все жить хотят!.. И хорошо жить!

Когда Макс проснулся на следующее утро, то гостя в доме не обнаружил.

После его отъезда Фома загрустил еще больше.

– Да, что с тобой такое происходит, Фома? – наконец, не выдержал Макс.

– Много будешь знать, академиком станешь! А академики в спецназе не служат! Понял?

– Что же они делают?

– А то, не знаешь?.. Академничают на наши головы!

– У тебя на все готовый ответ имеется!..

Но Макс ошибался...

22

– Дэн! Ты... А, впрочем!..

Вид у Ксю был такой, словно она хотела ему сказать о чем-то важном, но все ждала подходящего момента, который вот-вот должен был настать, но этого почему-то не происходило...

Когда они шли через пустырь, Ксю все время оборачивалась и внимательно вглядывалась в полумрак, словно и впрямь боялась чего-то. Но, убедившись, что все ее страхи – пустые, на время успокаивалась. Потом она оборачивалась снова. И – так, по нескольку раз, пока пустырь не оставался далеко позади. Дэн же, словно не замечал ничего вокруг. Он был на седьмом небе от восторга оттого, что она шла с ним рука об руку, и хотел, чтобы это длилось, как можно, дольше!..

– Зайдешь в гости? – спросила девушка, когда они уже подходили к ее дому.

– Это еще – зачем? – забеспокоился Дэн.

– Мой батон с тобой поближе познакомиться хочет!

– Батон?..

Внезапно остановившись, она приблизилась к нему вплотную, так, что даже через одежду он явственно ощутил ее тепло и... Маленькие упругие груди! Она словно набросила невидимое лассо на шею своего обожателя. А он охотно позволил ей это сделать!

– Я так называю его потому, что он серый хлеб совсем не ест... Из принципа!

– То есть?

– Просто, серый – это не его цвет! Батон говорит, будешь есть серый хлеб в волка превратишься.

– А он, что – оборотень?

– Угу! – со смешком ответила она. – В обычные дни он – как все люди, а в полнолуние за полночь по лесу рыщет в поисках жертвы!..

Как сказала Ксения, это он настоял, чтобы лично познакомиться с Беловым.

– Да, вроде бы мы уже встречались с твоим предком, и наше первое знакомство показалось мне даже очень впечатляющим!

– А! Ты – про это! – рассмеялась Ксю.

– Тебе смешно! А у меня синяк под глазом сошел только через неделю...

– Ах, ты – беденький мой! Ах, ты – мой пупсик!..

И он почувствовал, как ее влажные губы ткнулись ему в щеку. Дэн сперва даже не поверил своему счастью! Неужели Ксю его ...? Нет, этого просто не могло быть! Наверное, ему так только показалось!..

– Значит, ты и есть наш зятек будущий? Или Ксенька тебя всерьез не рассматривает? Голову нам морочит... – перво-наперво, с усмешкой изрек родитель Ксю, как только Дэн очутился в доме Роциных.

– Пап! Прекрати! Не вгоняй в краску моего ухажера!

– Ну, извини, дочь! Я не думал, что он у тебя – такой робкий...

– Я – не робкий! – запальчиво возразил Дэн. – Зря вы так думаете...

– А вот мы щас и проверим! Садись с нами за стол. Борщ будешь?.. А самогон?..

Дэн, не поморщившись, хлобыстнул целый стакан самогона.

– Вот! Это – по-нашему, по-мужски...

Можно было подумать, что лупить стаканами самогон, чем почти ежедневно занималась вся мужская половина деревни, причем с утра до вечера, было ее тщательно продуманной тактикой и стратегией, без которой нельзя было выжить!..

Больше Белову не хотелось заходить в гости к Ксении. Почти каждый вечер, не считая тех дней, когда посещал спортзал, он провожал ее до дому. Но возле калитки они прощались...

23

Как-то придя со школы Макс обнаружил на столе сверток. Это был тормозок Чернова старшего. «Наверно, в спешке забыл!» – решил Макс. Схватив его, он отправился на колхозное поле. Еще издали юноша увидел трактор Фомы. Но в этот раз он почему-то не взрыхлял землю, а был неподвижен. Приблизившись, Макс заметил рядом с братом, который стоял опершись ногой на гусеницу, еще одну человеческую фигуру. Когда до них оставалось метров сто, не более, Макс замедлил шаг. Прямо к пахоте жался небольшой березняк вперемежку с кустарником. Чернов, не задумываясь, юркнул туда, затерявшись среди деревьев. Вскоре он оказался так близко от Фомы и, как оказалось, его собеседницы, что мог слышать их разговор, оставаясь незамеченным. Она стояла к нему спиной, но не узнать ее он не мог. Это была Ксения!

– Я не могу больше так, не могу! Нам не нужно встречаться!..

Она резко повернулась, чтобы уйти.

– Да, постой же ты! Постой, говорю!

Он крепко схватил ее за плечи.

– Нет у меня кроме тебя никого! Нет! Ты мне веришь?

– Хм... Отчего же на тебя мужики из соседнего села зуб точат?

– Потому и точат, что я им, как кость поперек горла! Не даю свои правила в нашем селе устанавливать! Всякой дрянью пацанов и девчонок пичкать...

– А у меня совсем другие сведения! – горячо возразила Ксю.

– Какие же – это, другие? – подозрительно спросил Фома.

Было заметно, что он едва сдерживался, чтобы не закричать на девушку.

– А вот такие! Обрюхател ты на стороне одну несчастную бабенку... А она, не будь дурой, растрезвонила об этом на всю округу! Надо ж ей было как-то себя оправдать. И того, кто с ней сотворил неладное призвать к ответу...

– Чушь – все это, несусветная! Сплетни! Где – доказательства, что в этом есть хоть доля правды?

Ксения неуверенно пожала плечами.

– Я тебе ничего доказывать не буду! Даже, если это случилось, я все равно тебя люблю! Вот только любви нашей скоро конец придет, так и знай!

– С чего это, ты так решила?

– А с того, что уже вся деревня про нас – в курсе...

И потом, кажется, меня кто-то преследует!..

– Да, да! Ты рассказывала мне об этом...

Взгляд Фомы сделался задумчивым.

– Ты не знаешь, кто бы это мог быть?

Фома отрицательно покачал головой.

– Знал бы, так поверь мне, руки, ноги бы ему переломал...

– Я думаю, не к добру – все это! – заключила девушка, оглядываясь по сторонам. – Всё – против нас! Всё! Я боюсь за тебя и за себя! Я думаю, что хотя бы некоторое время нам не надо встречаться...

Ксения протянула руку и коснулась его лица. Прижав к губам, он стал страстно целовать ее тонкие пальцы. Но только этим дело не закончилось. Стиснув девушку в своих клешнях, вскоре Фома стал вытворять такое, что Макс поскорее зажмурился.

Стараясь ни чем не выдать своего присутствия, Макс стал потихоньку выбираться из березняка, решив, что его старшему брату в этот раз лучше обойтись без тормозка.

«Вот – дрянь! Какая она, все-таки, дрянь!» – всю обратную дорогу не мог успокоится Чернов младший. Ревновал ли он Ксению? Возможно. Но больше всего ему было обидно за брата.

Брата, в котором он души не чаял, и которого эта сопливая девчонка окрутила, как какого-нибудь глупого мальчишку! «Да, на что она далась ему?!» – искренне удивлялся Макс, наверно, напрочь позабыв, что к девушке он испытывал те же самые чувства, что и Фома. Ну, может быть, не совсем те же. Чувства Фомы являлись более глубокими и зрелыми. Но ведь, то был Фома, а не он, его младший брат. Фома, конечно же, заслуживал лучшего. В том смысле, что его возлюбленной должна была стать более взрослая и более серьезная девушка. Не чета Ксеньке, у которой еще молоко на губах не обсохло! А вместо мозгов, как у куклы Барби, в голове – вата!..

В то же время в душе Макс злорадствовал, посмеиваясь за глаза над Беловым и, все больше и больше удивляясь лицемерию и цинизму Ксении. Как у ней совести хватает дурачить всех? И, прежде всего, своих наивных предков, которые понятия не имеют, с кем она шашни водит! Вот так, да!.. Но тут Макс припомнил последние слова девушки и тревогу, которая сквозила в каждом ее слове, обращенном к Фоме. А что, если папаше Ксю обо всем известно? И многочисленные сплетни о любовных похождениях Фомы, в том числе и о якобы забеременевшей от него селянки, которые, вполне возможно, имели под собой реальную почву, дошли до него?

– Ну, я еще ей покажу, как моему брату извилины распрямлять! – сам того не замечая, воскликнул Чернов вслух.

24

– Ты хочешь мне помочь? – как-то спросил Фома, глядя на Макса так, словно от готовности сделать то, о чем его Чернов старший попросит, зависело, взрастет ли на селе этим летом пшеница.

– Не вопрос! – не раздумывая, ответил Фома. – Говори, в чем – фокус, брат, и считай дело – в шляпе!

Фома снисходительно улыбнулся.

– Я бы на твоём месте не говорил «гоп», чтобы не получить в лоб!

– Неужели, все – настолько серьезно?

– Серьезно?

Фома с минуту молчал, вероятно, не зная, что ответить.

– Это – настолько серьезно, что ты себе даже представить не можешь!..

С тревогой глядя, на старшего брата, Макс уже не знал, что и думать.

– Ну, так в чем – суть? Скажи толком, Фома!

Поднявшись со стула, Чернов старший прошелся из угла в угол по комнате. Затем, остановившись возле окна, и, наблюдая, как осенняя листва за окном, кружась, падает на землю, Фома как-то неохотно произнес:

– Не хочу я, братишка, втягивать тебя, да и остальных пацанов – тоже, в то, что может всем нам боком выйти, но обратиться мне больше не к кому!

Повернувшись лицом к Максиму, он неожиданно подмигнул ему.

– Но ведь постоять за себя надо? Я – прав или нет? Да и для вас, мелюзги, это будет чем-то вроде боевого крещения! А то, какой вы, к черту, будущий спецназ? Так, недоразумение одно!

Подойдя платяному шкафу в углу комнаты, Фома открыл одну из створок. Там хранились кипы старых наволочек и простыней. Торопливо порывшись в них, вскоре он извлек оттуда какую-то коробку. Почти торжественно, точно ценную реликвию, водрузив ее на стол, он аккуратно снял крышку...

– Ого!

Макс не в силах был сдержать возгласа удивления и восторга. Через секунду в правой руке Фома сжимал рукоять пистолета.

– Герасим притаранил! Спасибо ему!..

Чернов старший, нацелив дуло в воображаемого противника, плавно нажал на курок. Раздался щелчок, от которого Макс нервно вздрогнул.

– Не бойся! Он не заряжен. Вишь, красавя какой! С нуля. В масле еще весь...

– Фома! А дай мне! Дай подержать! Как называется-то?

– «Беретта»!

Макс осторожно, словно это было не оружие из особого металлического сплава, а нечто вроде скульптуры из тончайшего стекла, которая могла при неосторожном обращении с ней разбиться, взял в руки диковинную вещицу.

– Ну, и как? – спросил Фома, пристального наблюдая, за восхищенным выражением, не сходящим с лица его младшего брата.

– Жесть!

– Смотри! – предупредил Фома. – Хоть у этой волины и женское имя, она приносит смерть!

– Так, все беды на земле – от баб! Разве, ты не знал?..

Но Фома предпочел не отвечать на этот вопрос.

– То-то, я гляжу, втюрился ты в нее с первого взгляда... Такая любовь к оружию, парень, тебя до добра не доведет! Запомни мои слова.

Но Макс, как будто бы слушал и не слышал его в одно и то же время.

– Эта штукавина – всего лишь железная болванка! Убивает не она. Убивает то, что заставляет нажать на курок ее хозяина! Ты просек мою мысль?

Макс вопросительно посмотрел на брата.

– Фома!..

– Что?

Макс сомневался еще секунды две.

– Научи меня стрелять!

Фома снисходительно посмотрел на юношу.

– А я что, по-твоему, собираюсь сделать? На-ка, поухаживай немного за дамой!

И он сунул в длани младшему брату какую-то ветошь.

Пока Макс тщательно протирал сухой тряпкой лоснящуюся поверхность «Беретты», напевая какую-то несуществующую и потому, скорее всего, придуманную им, мелодию себе под нос, Фома направился в довольно вместительный сарай, располагавшийся подле их дома. В нем Черновы хранили дрова. У одной стены сарая аккуратно лежали колотые, возле другой – цельные чурки. Фома включил свет. Затем, словно вспомнив о чем-то, он не мешкая, снова направился в хату. Макс, не отставая от него ни на шаг, следовал за ним по пятам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.